

РАФФИ
САМВЕЛ

1915 - 2015
СТОЛЕТИЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Столетие геноцида армян

Акоп Мелик-Акопян (Раффи)

Самвел

«Aegitas»

Мелик-Акопян (Раффи) А.

Самвел / А. Мелик-Акопян (Раффи) — «Aegitas», — (Столетие геноцида армян)

ISBN 978-5-00-064971-8

Исторический роман является описанием исторической жизни народа. Он отображает прожитое и содеянное народом, его характер, нравы, обычаи, его умственные и нравственные качества, — словом, человека давних веков в его подлинном облике, который изменялся в течение столетий и память о котором современным поколением уже утрачена. Когда автор писал роман «Самвел», он имел целью дать именно такое описание из нашего далекого прошлого. Историческому романисту служит материалом сама история и те памятники, которые сохранили в себе воспоминания о прошлом и сделали их достоянием последующих поколений.

ISBN 978-5-00-064971-8

© Мелик-Акопян (Раффи) А.
© Aegitas

Содержание

Предисловие автора	6
Книга первая	9
I. Два гонца	10
II. Утро Тарона	13
III. Зловещатель	15
IV. Смутная идея зарождается в нем	18
V. Мать и сын	23
VI. Двоюродные братья	28
VII. Предлог	32
VIII. Охота	37
IX. Аштишатский монастырь	40
X. Три молодых силы	43
XI. Мачеха	49
XII. Неудавшийся заговор	57
XIII. Обстоятельства усложняются	64
XIV. Новые вести	70
XV. Княжна гор	75
XVI. Самозванцы	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Раффи Самвел

Предисловие автора

Исторический роман является описанием исторической жизни народа. Он отображает прожитое и содеянное народом, его характер, нравы, обычаи, его умственные и нравственные качества, – словом, человека давних веков в его подлинном облике, который изменялся в течение столетий и память о котором современным поколением уже утрачена. Когда я писал «Самвел», я имел целью дать именно такое описание из нашего далекого прошлого.

Историческому романисту служит материалом сама история и те памятники, которые сохранили в себе воспоминания о прошлом и сделали их достоянием последующих поколений.

Но что дает армянскому романисту история Армении?

Она сообщает имена царей, князей, по ней мы знакомимся с их междоусобными и внешними войнами, узнаем, кто из них сколько лет властвовал, какие совершал добрые и злые дела. Обо всем этом мы узнаем из нашей истории. Но какие у них существовали обычаи, как был устроен их семейный уклад, как они одевались, в каких домах жили, – словом, о них как о людях, об их семейном и общественном быте наша история если не сказать вовсе, то в значительной мере умалчивает.

Между тем для романа нужна повседневная текущая жизнь во всех ее проявлениях, а не скучная и сухая летопись завоеваний или поражений отдельных царей и князей.

В нашей истории почти совершенно забыт народ. Историки не заметили, что кроме царей и князей, кроме духовенства и военного сословия, в Армении был еще и народ, который жил своей жизнью, имел свои праздники, зрелища и увеселения, душевные и чувственные склонности которого выражались в самых разнообразных общественных явлениях. В истории нашей народ не существует, – имеются только властители. Мы не знаем, как жил армянский шинкан (селянин – ред.), в каких отношениях находился он со своими господами, чем он питался, какую носил одежду, каковы были его радости. Мы не знаем, что делал армянский ремесленник, с какими странами вел торговлю армянский купец, или каких животных пас армянский пастух. Наша история умалчивает обо всем этом. Но для романа все это необходимо.

В нашей истории не представлена и значительная сила нашего народа – женщина. До нас дошло лишь несколько женских имен, но жизнь этих женщин во всех ее подробностях нам неизвестна. Что представляла собой армянка как жена, мать, какую роль играла она как член семьи и общества, – мы этого не знаем. Мы не знаем также, в каком виде она появлялась во время народных праздников и зрелищ, как она была причастна к радостям и горестям народа. А без женщины нельзя написать романа: женщина – его душа и дыхание.

Таким образом, сухая летопись нашей истории дает романисту мало материала, на основе которого он смог бы восстановить точную картину прошлого во всех ее проявлениях. Пробелы истории могли бы восполнить художественные произведения, если бы таковые до нас дошли. Но у нас нет ни трагедий Эсхила и Софокла, ни героических поэм Гомера и Вергилия. Наша древняя литература не вышла за пределы церковных произведений. Наши авторы написали толстые книги толкований, риторические жития святых, философские и богословские произведения, но не оставили нам ни одного романа, ни одной драмы или комедии.

Хотя в нашей древней литературе и отсутствуют полные описания жизни и обычаев, семейной и общественной организации, но все же в ней имеются кое-какие силуэты и обрывки, на основании которых можно было бы путем изучения, обобщения и классификации составить если не совсем полное, то хотя бы частичное представление о жизни армянина в прошлом.

Такого рода работа должна была быть делом современной науки о древностях. Однако ею в этом отношении сделано очень мало. Наша наука о древностях еще не сошла с той узкой, ограниченной тропы, по которой шествовала история. История говорит лишь о царях, князьях и духовенстве; наука о древностях также занята только ими – изучение жизни во всех ее проявлениях занимает в ней весьма незначительное место. Прочитавши три почтенных тома Инджи-

джяна¹, нельзя составить себе ясного представления о религии, культурах, обычаях и обрядах древнего армянина, нельзя узнать, как жил он у себя дома и как он проявлял себя в обществе.

После всего сказанного само по себе становится понятным, насколько трудно армянскому романисту писать исторический роман. Как древняя, так и новая литература не подготовили для него достаточного материала. А все это необходимо для исторического романа. Если Вальтер Скотт и Эберс создали прекрасные исторические романы, в которых во всех подробностях изображена жизнь человека в прошлом, то эту удачу следует приписать не только их таланту, но и тому огромному запасу материала, который для них приготовила предшествующая литература. Этим счастливым романистам оставалось лишь воспользоваться готовым материалом.

При бедности нашей литературы, при недостатке необходимых материалов, признаюсь, с моей стороны было большой смелостью взяться за создание романа, который имел бы исторически правильный смысл. Но «Самвел» давно стал предметом моих размышлений. Меня побуждала писать также мысль о большом воспитательном значении исторического романа: узнав о великих делах своих предков, читатель будет следовать их добродетелям, увидя их заблуждения, он постарается избежать допущенных ими ошибок; эта мысль меня ободрила. И я начал писать. Но какими источниками я при этом пользовался, я считаю нелишним сообщить моим читателям.

Прежде всего, я использовал те исторические памятники, которые мне удалось найти в нашей национальной и иностранной литературе. Во-вторых, во время своих путешествий я воспользовался фактами быта современного армянина, но лишь постольку, поскольку они сохранились в своем древнем виде. Если сегодня мы встречаем в Армении описанные двадцать четыре века тому назад Ксенофонтom земляные лачужки или описанные двадцать четыре века тому назад Геродотом обитые кожей лодки на реке Евфрат, то почему же нельзя допустить, что еще многое другое не изменилось в стране армян? Новая цивилизация могла уничтожить все первоначальное, все, что носило старый отпечаток. Но в Армении еще сохранились такие глухие, уединенные места, где народ до сих пор живет своими стародавними исконными обычаями. Такие места я имел случай видеть и изучить их жизнь.

Считая армян соплеменниками древних персов и мидийцев, от которых в своем быту армяне мало чем отличались, я счел возможным позаимствовать очень многое из жизни этих народов, конечно, делая различие между тем, что является национальной особенностью и тем, что заимствовано извне.

Большое воздействие на жизнь и обычаи армян оказали и те массовые переселения, которые в древние века совершались либо добровольно, либо посредством привода пленных в Армению. Среди переселенцев было много халдейцев, ассирийцев, парфян, индусов, китайцев и евреев. Я имел в виду также и их обычаи. Все это объяснено в особых примечаниях, приложенных к моей книге.²

После «Давид-Бека» и «Паруйра Айказна» – «Самвел» является моим третьим литературно-историческим опытом. Материал этого романа взят из событий IV века нашей истории.

РАФФИ

¹ Гукас Инджиджян (1768–1843) – армянский ученый, автор ряда трудов по истории и географии Армении.

² Это и некоторые другие замечания Раффи показывают, что роман «Самвел» должен был состоять из четырех частей с примечаниями самого автора. Однако ни четвертая часть, ни комментарии пока не найдены

Книга первая

«Вслед затем Ваган Мамиконян и Меружан Арцруни, те два гнусных и нечестивых мужа, которые отреклись от заветов богопочитания и согласились почитать безбожную религию маздеизма, начали разрушать в армянской стране церкви и молитвенные дома христиан... Строили капища во многих местах и насильственно обращали людей в веру маздеизма... и своих детей и родственников давали на обучение религии маздеизма. Тогда один из, сыновей Вагана, по имени Самвел, убил отца своего Вагана и мать свою Вормиздухт, сестру персидского царя Шапуха...»

Фавстос Бузанд, книга IV, гл. 59.

«После смерти Аршака Шапух собрал многочисленное войско под начальством Меружана (Арцруни) и отправил его в Армению... И отдал ему в жены сестру свою Вормиздухт, и обещал дать ему армянское царство, только бы он, покорив нахараров, обратил страну в веру маздеизма. Он взял это на себя и прибыл... и пытался уничтожить все христианские порядки... И какие только ни находил библейские книги – сжигал и отдал приказ не учиться греческой письменности, а только персидской и чтобы никто не смел говорить по-гречески или переводить с греческого... Ибо тогда не было еще армянского письма, и церковная служба велась на греческом языке».

Мовсес Хоренаци, книга III, глава 36.

І. Два гонца

Полумесяц скрылся за горою Карке, и Тарон³ погрузился в ночной мрак. Не было видно ни одной звезды в эту ночь. Серые облака заволокли небо; тихо плыли они в сторону Кыркурских и Немрутских гор и сгущались в черную мглу. Оттуда порою сверкала молния, доносились глухие раскаты грома, – все предвещало сильную грозу.

В эту тревожную ночь по Мушской равнине ехали два всадника. Они возвращались из очень дальних мест. Покинув месяц тому назад железные ворота Тизбона⁴, они миновали пустыни Хужистана, выжженную солнцем Ассирию, проехали армянскую Месопотамию и всего лишь день как достигли равнины Муша. Всадники были гонцами.

Один из них ехал на вороном коне, другой на сером. Всадник на сером коне был осведомлен о поездке гонца на вороном коне и осторожно следовал за ним, ни на минуту не упуская его из виду. Всадник на вороном коне не подозревал, что за ним наблюдают. Это и было причиной того, что они, подобно двум планетам, хотя, и следовали в одном и том же направлении, но по параллельным орбитам и потому не встречались. Оба они знали друг друга.

Путники уже достигли берегов Арацани⁵.

Всадник на сером коне остановился. Озираясь, он посмотрел на небо, чтобы узнать, долго ли до рассвета, но не было ни единой звезды, чтобы определить время. Все вокруг было погружено в непроницаемую мглу. Гонцу нужно было спешить...

Две мысли несколько минут удерживали его в нерешительности: пуститься ли вплавь или переехать через мост? Ехать через мост – значит, чересчур отдалиться и, быть может, встретиться с «ним», а то и попасть в руки ночной стражи. Он решил пуститься вплавь.

Обычно тихая серебристая Арацани бушевала теперь после весенних ливней и мутными потоками заливала берега. Но наш путник знал все броды.

Он сошел с коня и, погладив красивую голову и гриву серого, ласково сказал: «Ты смело рассекал бурные потоки Тигра; разве тебе могут быть страшны волны нашей родной Арацани?» Он разнуздal коня, чтобы тот во время переправы не чувствовал принуждения, снова вскочил на него и, перекрестившись, стремительно въехал в воду.

Река ревела, как страшное чудовище. В ночном мраке мутное течение ее казалось еще мрачнее. Конь, погрузившись в воду и высоко подняв голову, плыл, фыркая, боролся с волнами; его ноги не касались дна. Всадник держал коня за гриву, рукою направляя его движения. Местами водоворот, затягивал их, они скрывались под водою, но снова выплывали. Порой проносились мимо пни, куски бревен, – волны, вздымая их, с плеском уносили вдаль. Всадник старался лавировать между ними. Но вот издали донесся грохот. Надвигалась опасность. Однако всадник не растерялся и хладнокровно, с глубоким вниманием посмотрел в ту сторону, откуда доносился грохот. Навстречу неслась темная, бесформенная громада. И чем ближе, тем она становилась все ужаснее и грознее. Казалось, по реке движется огромный холм. Он то исчезал, то возникал снова страшным видением. Всадник догадался, что это такое. Он мгновенно соскользнул с седла на круп лошади, чтобы облегчить ей ношу. Держась за хвост, он торопил коня. Наступала роковая минута: мрачная громада, похожая на безобразное чудовище, приближалась. Своим грохотом она заглушала все звуки. Надо было вовремя ее миновать, иначе она, как щепку, унесет и коня и всадника. Даже конь почувствовал надвигающуюся опасность и, удвоив усилия, с невероятной быстротой пересекал волны. Чудовище пронеслось. Это были

³ Тарон – большая область древней Армении, находившаяся на высоком берегу Евфрата, южнее горы Арарат.

⁴ Тизбон – древняя столица Персии (у греческих авторов – Ктесифон).

⁵ Арацани – армянское название реки Евфрат.

не более, как вывороченные с корнями деревья из ближайших лесов, сбитые и скрученные водоворотом в такую безобразную массу.

Достигнув берега, всадник с облегчением осенил себя крестным знаменем.

Он выжал платье, наскоро обсушил его, затем взнуздal коня и продолжал свой путь пешком, ведя животное на поводу, чтобы дать ему отдохнуть. Но конь едва плелся. Насколько быстро плыл он в воде, настолько же медленно передвигался на суше. Хозяин объяснял это усталостью.

Значительно отойдя от берегов реки, путник приблизился к горным отрогам Карке. Отлогая дорога, извиваясь по склонам гор, то спускалась в глубокие овраги и лощины, то опять поднималась на холмы. Путнику еще с детства были знакомы эти горы, покрытые лесами; знакомы все эти тесные ущелья и тропинки; он вырос в сырой мгле этих долин, куда никогда не проникало солнце. Он был сыном этих лесов и скал.

Молния ударила по вершинам соседних деревьев, озарив окрестность бледно-розовым светом. Удар грома страшным гулом отозвался в темных ущельях. Путник взглянул на покрытое тучами, небо и ускорил шаги. Он не боялся волн Арацани, но буря страшила его: в этих девственных лесах она свирепствует с ужасной силой, особенно в ночную пору. Горные потоки вырывают с корнями растущие на скалах деревья и сбрасывают их на дорогу. Вместе с деревьями низвергаются громадные каменные глыбы. Злосчастный гонец неминуемо погиб бы под их обломками.

Снова загремел гром, и тут же хлынул дождь. Ветер свирепствовал, и ливень, усиливаясь, крупными каплями хлестал по воспаленному лицу. Но путник ничего этого не замечал. Вся его энергия сосредоточилась на одной цели, настойчиво толкавшей его вперед, поглотившей все его мысли и чувства. Он спешил к месту своего назначения, стараясь на несколько часов опередить гонца на вороном коне.

Однако конь еле передвигался. Путник только, теперь заметил, что лошадь хромала на заднюю ногу: несомненно, ее ранило быстро несущимся бревном во время переправы. Это весьма огорчило бесстрашного путника. Надо было спешить, а он лишился своего быстрого коня. Что делать? Неужели бросить его и продолжать путь пешком? Но как оставить любимого коня, который столько лет был его верным товарищем и на поле брани и во время путешествий? Подумав немного, путник свернул с большой дороги на тропинку, ведущую к Аштишатскому монастырю.

Через час он добрался до монастыря. В чаще вековой заветной рощи, на древних священных высотах покоилась в своем славном величии эта древняя святыня Тарона. Среди ночной тьмы монастырь, защищенный высокими стенами и крепостными башнями, казался неприступным замком. Ни жестокая буря, ни рев ветра, ни ливни не тревожили его мирной благодетельной дремоты.

В узком окошке домика, перед монастырской оградой, мерцал свет. Путник направился к домику и подошел к запертой двери. К деревянному столбу у входа была привешена доска, у основания лежала деревянная колотушка. Путник поднял колотушку и три раза ударил по доске. Окошко вверху открылось, высунулась чья-то голова, и послышался сонный голос:

– Кто там?

– Путник, – последовал ответ.

Это строение перед монастырскими стенами служило пристанищем для запоздалых прохожих, чужестранцев и странников. Привратник, удовлетворенный кратким ответом путника, открыл дверь и показался на пороге со светильником в руках.

– Совсем промок, – с участием заметил он, – войди, я разведу огонь, и ты высушишь одежду.

– Премного благодарен за твою сердечность, – ответил путник, – но я прошу приютить только моего коня.

Почему только коня? – удивился привратник.

– Он хромает, повредил ногу... а я должен продолжать путь.

– Войди, по крайней мере, обогрейся немного, я живо разведу огонь...

– Не могу... спешу... – Путник подошел ближе к свету.

Вынув из-за пазухи гребень, сделанный из рога буйвола в виде полумесяца, он показал его привратнику и сказал:

– Запомни этот гребень – вот здесь не хватает двух зубьев. Если я не вернусь, ты отдашь моего коня тому, кто покажет этот гребень.

– Но кто же ты? – недоверчиво спросил привратник.

– Я воин... – ответил путник.

Привратник довольствовался этим неопределенным ответом, потому что в те беспокойные времена было небезопасно расспрашивать воина.

Пришелец между тем отвязал легкий дорожный хурджин⁶, привязанный к седлу лошади, перекинул его через плечо и, пожелав хозяину доброй ночи, удалился.

Удивленный привратник со светильником в руке долго стоял на пороге и следил за незнакомцем, пока тот не исчез в ночной темноте. Рев ветра заглушил его шаги.

Оставив позади себя монастырь, путник направился по дороге, ведущей в Вогаканский замок.

⁶ Хурджин – переметная сума.

II. Утро Тарона

Бурную ночь сменило тихое и свежее весеннее утро. Над лесистыми холмами, окружавшими замок Вогакан, клубился белый, как снег, пар. Непроницаемый туман окутывал обрывы и равнины, долины и горы. В воздухе плавали крупинки влаги, вспыхивая несметным золотым бисером в первых лучах солнца. Орошенные дождевыми каплями листья деревьев, стебли трав, цветы долины, казалось, были разукрашены самоцветными камнями.

В воображении путника вставало торжественное утро глубокой древности, когда Астхик, богиня Тарона, выходила из Аштишатского храма. Спускаясь с высот горы Карке, она в сопровождении прелестных прислужниц шла купаться в серебристых волнах Арацани. А в священной роще Аштишата за густыми деревьями скрывались молодые богатыри Армении, чтобы издали созерцать омовение прекраснейшей богини. Но Астхик покрывала всю равнину Муша непроницаемой мглой, скрывая от нескромных взоров место своего купания.

Чем выше становилось солнце над горизонтом, тем больше редел, растворяясь в воздухе, утренний туман. Сквозь прозрачную пелену из дымки стали вырисовываться вдалеке очертания гор. Показалась волнистая зеленая цепь Симских гор с их вечно снежными вершинами, которые в лучах восходящего солнца сияли розовым светом. А еще дальше, в сторону гор Кыркур и Немрут, как синяя лента, блеснула узкая полоса Бзунинского озера. Показались и отроги горы Карке с ее тенистыми мрачными лесами – колыбель сурового и сильного народа. А посреди этого как бы гигантского обрамления, будто чудесное видение, раскинулась обширная равнина Муша. На ее роскошном зеленом ковре рассыпались бесчисленные деревни, посадки и богатые города Таронской области. Вот Муш, гордо и величаво разместившийся на склонах Тавра. Вот у извилистых берегов речки Мелти вырисовываются высокие башни города Одз. Вот город Вишап с его громадными городскими воротами, раскрытыми как пасть чудовища. Вот город Кавкав, вот белый Дзюнакерт...

Арацани рассекает обширную долину Муша на две части. На ее плодородных берегах, кроме туземного населения, поселился пришлый народ, перекочевавший сюда с берегов далекого Ганга. Плуг индуса сверкал под солнцем Армении, и армянская песня индуса-пахаря звучала в тишине лучезарного утра Тарона.

У берегов Арацани жил и другой народ, желтокожие китайцы с берегов Хуанхэ, ставшие внешнею постепенно похожими на армян: найдя здесь приют, они трудились над обработкой армянской земли. Многочисленные стада их паслись у реки, поросшей камышом. Красивые китайки булавками собирали на зеленых росных лугах кошениль, чтобы приготовить из нее красную краску для тонких рукоделий, украшавших дворцы армянских князей.

Гневной была в это утро Арацани. Но ее материнский гнев не пугал сыновей. Ее мощные волны увлекали за собой целый флот – флот первобытного человека. Сородичи, стоя на берегу, посылали пожелания удачи путникам. Отчаливающие гребцы кричали: «Счастливо оставаться!» Легкие, обшитые кожей лодки были нагружены дарами богатой Армении; они плыли в дальние страны, в Вавилон. Веселые песни, возгласы гребцов, смешиваясь с глухим гулом реки, нарушали глубокий покой окрестностей.

Равнина Муша окружена с четырех сторон высокими горами: эти горы, как гигантские стены, защищали ее от нападения врагов. Кроме этих укреплений, воздвигнутых природой, вход в долину преграждали неприступные крепости и замки, построенные князьями Тарона на вершинах Таронских гор. Таковы были замки Ехнут, Мецамор, крепости Астхаберд, Айциц и Вогакан.

Близ Аштишатского монастыря, на утесах горы Карке, грозно высился замок Вогакан. Он гордо смотрел на бушующую внизу Арацани. Тайные ходы и подземные пути вели из него либо к реке, давая возможность укрывшимся обитателям замка пользоваться водой во время осады,

либо вглубь лесов, через которые поддерживались тайные связи замка с внешним миром. Ходы эти были известны только владельцам замка. Высокие стены, окружавшие крепость, огромные башни, высокие бойницы, веками боровшиеся со стихией, служили защитой от врага и всегда оставались непобедимыми. Замок был расположен под сенью древних гигантских дубов, высокие вершины которых мерились с небом.

Еще задолго до начала христианской эры Вогакан принадлежал роду князей Слкунни, первым владельцам Тарона. В дни царствования Вагаршака Первого, за полтора столетия до начала нашей эры, влияние князей Слкунни в Армении усилилось. Вагаршак, установив порядок местничества среди нахараров⁷, возвел князей Слкунни в разряд нахараров за их храбрость и удачу в охоте и поручил им начальство над придворной охотой. Но в царствование Трдата, в 320 году н. э., Слкунниды восстали против царя, и Трдат обещал отдать все владения Слкунни и Тарон тому, кто захватит мятежного князя Слука. Ченский князь Мамгун взялся исполнить желание государя и предательски убил Слука. Весь род князей Слкунни был истреблен, а Мамгун в награду получил Вогаканский замок и весь Тарон. От Мамгуна и пошло выдающееся нахарарство Мамиконянов, которые наследовали Таронскую область, передавая ее из рода в род.

В это утро, еще до рассвета, два человека проникли в замок Вогакан. Один из них прошел через главные ворота, – это был всадник, ехавший на вороном коне. Другой же, ехавший на сером, пробрался в замок по тайному ходу из леса.

⁷ Нахарары – крупные феодалы, вассалы царя, наследственно владевшие областями Армении.

III. Зловещатель

В одной из комнат Вогаканского замка, на диване, покрытом дорогим ковром, обложенном роскошными шелковыми подушками, сидел молодой человек. Он только что покинул спальню, и, как можно было заметить по его заспанному лицу, встал значительно раньше обычного часа. Он не был еще ни одет, ни умыт, ни причесан. Он кутался в широкополую, из тонкой овечьей шерсти накидку, и длинные его волосы, спускаясь с непокрытой головы волнистыми прядями на плечи, почти закрывали его красивое бледное лицо. Он беспокойно крутил небольшие усы, обрамлявшие алые, немного припухшие губы. Этим обнаруживалось глубокое волнение его души. Черные миндалевидные глаза выражали необъяснимую тревогу. На вид ему было лет двадцать пять. Красивое телосложение и смугло-желтоватый цвет лица говорили о сохранившейся наследственности.

Этот молодой человек был Самвел, сын Вагана Мамиконяна.

Комната служила приемной палатой. Пол в ней был устлан пестрыми мохнатыми коврами. В углах стояли тяжелые и легкие копыя, пики, дротики и громадные железные палицы, украшенные тонкой резьбой с золотой насечкой. Позади ложа со стены спускалась широкая шкура тигра. Этого зверя Самвел убил собственноручно, будучи еще восемнадцатилетним юношей. На шкуре было развешено разнообразное оружие: колчан со стрелами, большой лук, секиры с длинными железными рукоятками, два щита – один легкий, из прозрачной верблюжьей кожи, другой тяжелый, стальной, усеянный крупными, похожими на пуговицы, гвоздями; шлемы – либо остроконечные, как копье, либо с султанами из волос, кольчуга из мелких колец; массивный медный нагрудник с выпуклым изображением извивающегося дракона, мечи, кинжалы, сабли длинные и короткие, прямые и кривые, с двумя или одним лезвием, ножны которых были украшены золотом и серебром, а рукоятки – драгоценными камнями; многие из этих мечей легко пробивали железо кольчуг и были смазаны ядом.

Комната напоминала скорее оружейную, чем приемную палату. Молодой князь любил окружать себя предметами, близкими его сердцу. Лишь роскошные сиденья, стоявшие у стен, говорили о том, что комната предназначена для приема почетных гостей.

Все двери были тщательно заперты изнутри, а пурпурные с тяжелыми золотыми кистями занавеси окон спущены. Лишь одна дверь была открыта, она вела в опочивальню. У этой двери, держась обеими руками за рукоятку кинжала, стоял человек в легкой одежде гонца. На нем была короткая шуба с кожаным верхом; широкий кожаный пояс охватывал часть груди и стягивал низ живота для предохранения от тряски во время быстрой езды. Кожаные узкие штаны у бедер были пристегнуты к кожаным ноговицам. На ногах были туго сплетенные волосяные башмаки с подошвами из грубого волоса, на голове – круглая войлочная шапка, обернутая куском шелковой материи, концы которой закрывали голую шею и спускались на широкие плечи. Ему еще не было тридцати пяти лет, но в короткой курчавой бороде уже пробивалась седина. От ветра и палящего солнца мужественное лицо его, смуглое от природы, приобрело еще более темный оттенок. Суровое выражение лица смягчалось блеском ясных глаз.

– Значит, ты не привез мне письма, Сурен? – продолжал свои расспросы князь.

– Не дали, господин мой, – отвечал гонец. – Опасались, что по дороге перехватят. Да и мне, живому письму, с большим трудом удалось добраться до моего господина. Я уже все рассказал вам, вы уже все знаете.

– Да, но ты толком ничего не объяснил, – взволнованно прервал его князь: – что же побудило моего отца изменить своей вере и принять участие в таком позорном деле... Или Меружан, злодей, лишил его разума... Я хорошо знаю Арцруниев, они мне дяди... Ради славы, власти и почета они готовы пожертвовать самым святым. Но мой отец... он никогда не был таким... или его обманули?..

При последних словах голос молодого князя задрожал, он провел рукой по лбу, поник головой и несколько минут оставался в тяжелом раздумье. Сурен с глубоким состраданием смотрел на него. Когда Самвел снова поднял голову, Сурен ответил:

– Его не обманули, господин мой. Но с того дня как царь Шапух умертвил вашего дядю после жестоких мучений в Тизбоне, отец ваш стал домогаться должности спарапета⁸ армянских войск. Шапух дал ему это звание, и ваш отец исполнил его желание...

– Теперь понятно... – как бы про себя промолвил молодой князь. – А теперь расскажи. Сурен, все, что знаешь о смерти моего дяди.

Тяжело было гонцу описывать смерть героя, у которого он был одним из самых преданных телохранителей и вместе с которым участвовал во многих сражениях. Но молодой князь настаивал, и Сурен приступил к рассказу.

– Вам известно, господин, что Шапух обманом завлек в Тизбон нашего царя Аршака и вашего дядю. Царя заковали в цепи и заключили в крепость Ануш в Хужистане, – я уже вам об этом говорил. После этого Шапух приказал привести на судилище вашего дядю. В тот день площадь царского судилища была полна народа. Присутствовал и я. Когда дядю вашего поставили перед судьями, Шапух окинул его взглядом с головы до ног – дядя был маленького роста – и с насмешкой сказал: «Неужели это ты избивал многие лета арийцев (персов) и осмеливался беспокоить нас столько времени?» Ваш дядя смело ответил ему: «Да, царь, это я». – «Лисица! – с гневом воскликнул Шапух. – Я велю умертвить тебя смертью лисицы». – «Над ростом моим смеешься, царь? – ответил ваш дядя. – Или силу мою до сих пор еще не узнал? Прежде я казался тебе львом, а теперь кажусь лисицей. Так слушай же, царь, я тот самый Васак, Васак-великан, которой упирался правой ногой в одну гору, – и гора равнялась с землею, упирался левой ногой в другую гору, – и другая гора равнялась с землею». Шапух спросил: «Скажи мне, какие же это горы ты сравнивал с землею?» Князь отвечал: «Одна гора – это ты, другая – греческий царь. Пока среди армянских нахараров было единство и крепкая связь с царем армянским, пока мы хранили заветы отца нашего Нерсеса⁹, до тех пор бог нас не оставлял, и мы не раз учили врагов нашей, отчизны, в том числе и тебя, царь Шапух. Но когда раздоры наших нахараров предали в твои руки нашего царя, с того дня мы сами уготовили себе гибель. Теперь же делай со мной, что хочешь, – я ко всему готов». Весь народ, собравшийся на площади, был поражен смелыми речами вашего дяди. Поражен был и царь и похвалил его за отвагу. Но затем приказал его, умертвить, извлечь внутренности, набить труп сеном и отправить в крепость Ануш. Там поставили его, как бесчестие, пред глазами закованного в цепи царя Аршака, и с тех пор бесконечные слезы льются из очей несчастного царя, когда он смотрит на своего храброго, верного спарапета.

Молодой князь, слушая этот печальный рассказ, приложил платок к влажным глазам, стараясь скрыть слезы.

– Он герой, и умер смертью героя! – воскликнул он наконец. – Сын его, Мушег, должен гордиться таким отцом. А я... чем мне гордиться? Вечный позор покрыл мою голову. Мой отец ради должности спарапета, которую занимал его брат, стал презренным орудием в руках убийцы брата и теперь во главе персидских войск идет на Армению, чтобы залить ее кровью... Горе мне, горе! Чем искуплю я этот позор?

Первые лучи солнца, падая на пурпурные занавеси, залили комнату алым светом. Молодой человек с неудовольствием заметил, что день уже настал. Он обратился к гонцу:

⁸ Спарапет – наследственная должность главнокомандующего всеми вооруженными силами в древней Армении. В случае, если по малолетству спарапет не мог предводительствовать войсками, командование предоставлялось другому лицу, которое, однако, не носило звание спарапета, а именовалось зораваром – словом означающим «полководец».

⁹ Нерсес Великий – выдающийся первосвященник Армении и крупный государственный деятель, самоотверженно борющийся за единство, мир и благоустройство страны.

– Спасибо тебе, Сурен, твоей службы я не забуду. Теперь, пока в замке все спят, поспеши скрыться. Когда понадобится, я тебя позову.

Сурен поклонился до самой земли.

– Ты, конечно, отправишься домой? – спросил его князь.

– Нет, господин, я поклялся не видеть ни жены, ни детей, пока...

Он не закончил своих слов, но князь догадался, что он хотел сказать. Доблестный и храбрый воин уже пять лет не был на своей родине. Целых пять лет служил он в Персии в армянской коннице¹⁰ и участвовал во многих походах против кушанов¹¹. Теперь он вернулся на родину; его родное местечко Хорни было недалеко от замка Вогакан, но он решил не возвращаться домой, так как был поглощен делом, которое было ближе его сердцу, чем жена, сын и друг.

– В таком случае скажи, где найти тебя?

– В Аштишатском монастыре, – ответил гонец. – Меня там не узнали и приняли за чужестранца. Коня своего я оставил там же.

Молодой человек поднялся с дивана и, запахнув широкий халат, направился в опочивальню. Сурен последовал за ним. Самвел подошел к своему ложу и откинул лежавший перед ложем ковер. Затем он нажал на полу едва заметную пружину, доска быстро поднялась и открыла квадратное отверстие.

– Тебе, я думаю, знаком этот ход? – обратился он к Сурену.

– Еще бы, господин, – ответил тот многозначительно. – Эта комната была опочивальней вашего покойного дяди, спарапета. Я был тогда еще безусым юношей и подметал в этой комнате пол.

Все детство Сурена прошло в этом замке. Будучи крестьянином Мамиконянов, он был взят в замок как способный и исполнительный мальчик. Когда же он достаточно освоился, то стал исполнять должность постельничего.

Князь взял огниво, кремь и трут, ударил огнивом. Посыпались искры, и трут начал тлеть. Князь зажег об него серную спичку, а от нее клубок навощенных ниток и подал его Сурену, говоря:

– Ну, теперь ступай.

Сурен еще раз молча поклонился и, по привычке перекрестившись, стал спускаться в отверстие, которое было так узко, что человек с трудом мог пролезть в него. Князь опустил доску и снова накрыл ее ковром.

Под полом замка было много подземных ходов, которые, подобно сети лабиринта, вели в разные стороны. Главные помещения, где проживали хозяева замка, имели свои особые потайные ходы, которые, соединялись в глубинах подполья и таким образом сообщались между собой и с внешним миром.

¹⁰ Конница Армении славилась своими высокими качествами и потому персидские цари привлекали ее для участия в своих походах, окружая ее высоким вниманием.

¹¹ Кушаны – иранское племя, проживавшее на юге Средней Азии.

IV. Смутная идея зарождается в нем

Самвел вернулся в приемную палату.

Сегодня ему казалось, что стены этой роскошной обширной комнаты давят на него. Он подошел к окну, откинул тяжелую шелковую занавесь и раскрыл одну из створок, чтобы в комнату проник свежий воздух. Затем отворил дверь для слуги. В комнату вместо слуги вбежала его борзая красивой золотистой масти; умное животное, видимо, ожидало в прихожей, когда его впустят. Кожа собаки была так тонка, что можно было сосчитать все ребра. На длинной шее висел серебряный ошейник. Собака подбежала к Самвелу, встала на задние лапы, передние положила ему на грудь и с какой-то нежностью посмотрела ему в лицо, точно стараясь угадать, отчего хозяин сегодня так печален. Самвел ласково потрепал длинные уши и красивую морду борзой. Собака, успокоенная этой лаской, опустила лапы, отошла и легла в угол, не переставая следить покорными глазами за любимым хозяином, который медленными, неровными шагами прохаживался по комнате.

Душа Самвела была охвачена волнением, молодая кровь кипела. Чем больше он думал о наступающих бедах, тем все мрачнее казалось ему будущее. Армения стала беспомощна и беззащитна. Царь Аршак, закованный в цепи, томился в Хужистанской крепости Ануш. Наследник престола Пап с женою Зармандухт и двумя детьми, Аршаком и Вагаршаком, был задержан в Константинополе. Царя Аршака изгнал персидский царь Шапух, а наследника престола задержал греческий император Валент. Первосвященник Армении Нерсес Великий, могучий заступник родины, по приказу того же греческого императора, сослан на пустынный остров Патмос. Армения осталась беспомощной. И царь и первосвященник – ее защитники – вне пределов страны. Греческий император, с одной стороны, персидский царь – с другой, как два жадные чудовища с разинутой пастью, алчно боролись друг с другом за право овладеть беззащитной страной...

Эти печальные размышления не давали покоя молодому человеку, и он с ужасом видел великие бедствия своего отечества – его приближающуюся гибель.

А тут еще раздоры среди нахараров. Одни из них стояли за то, чтобы признать власть греков и сделаться их данниками, другие желали принять персидскую власть и стать данниками персов. Нахарары, которым была дорога свобода и независимость Армении, пребывали в полном отчаянии и не находили средств для спасения страны. Не было никого, кто сумел бы объединить их. Не было царя, не было первосвященника. Одни предатели.

Предателями оказались представители двух самых могущественных нахарарств: Ваган Мамиконян и Меружан Арцруни. Первый был отцом Самвела, второй – дядей, братом его матери. Оба изменили христианству, оба приняли персидскую веру и превратились в руках царя Шапуха в оружие уничтожения всего святого и заветного в Армении. Это ужасало молодого человека и в то же время наполняло его сердце невыразимым гневом.

«Окруженный магами¹² и архимагами едет сюда мой отец... – думал он с глубокой горечью, – и ведет за собой как опору персидское войско... Едет, чтобы уничтожить наши церкви, школы, литературу, обратить нас в персов... Рука об руку с Меружаном... Они уже уничтожили государство, ныне хотят уничтожить народ и религию. Мы должны впредь говорить и молиться по-персидски. И мой отец принимает ревностное участие в преступлении, которое вечным проклятием покроет род Мамиконянов...»

Губы Самвела побледнели, колени задрожали, в глазах потемнело, он едва нашел силы добраться до дивана и опустить отяжелевшую голову на подушки. В таком положении, охватив руками голову, он находился долгое время, чувствуя во всем теле лихорадочную дрожь. Тяже-

¹² Маги – священники персидской религии Зороастра.

лые, как густой туман, неясные мысли пронеслись в его воспаленном воображении. Но вот он вздрогнул, вскочил с дивана, говоря, как в бреду:

– Мамиконяны родят и изменников... родят и героев. Когда мой дядя Вардан вместе с царевичем Тиритом восстали против царя Аршака и перешли на сторону Шапуха, мой дядя Васак погнался за ними, и, настигнув в пути, убил и Тирита и своего брата. Рука его не дрогнула, проливая кровь родича, изменившего своему царю и отечеству. А я?.. – Ему показалось, точно эти слова обожгли его уста. Не досказав, он снова упал на диван и, закрыв лицо, стал горько рыдать.

– Ах, отец, отец!.. – повторял он сквозь бурный поток слез.

Он любил своего отца, любил горячей, искренней любовью. Но любил и родину. Его воспитатели с детства внушили ему самоотверженную сыновнюю любовь – прежде всего к родине, а затем к родителям.

Дверь приемной открылась. В комнату бесшумно вошел юноша и, взглянув на молодого князя, от удивления застыл у стены.

Он походил на нарядного комнатного прислужника. На нем была пышная, сияющая всеми цветами радуги одежда. Цветная косая повязка закрывала маленькую шапочку и правую бровь; левая же бровь и часть лба оставались открытыми. По плечам рассыпались длинные золотистые пряди. Цветной пояс из тонкой ткани складками охватывал стройный стан и развевался свободными концами. Накидка и куртка сверкали яркими красками. Шаровары, мелкими сборками доходившие до колен, были перевязаны у голени цветными лентами и, спускаясь ниже, закрывали ноги. Роскошные чоботы, сплетенные из разноцветных шелковых нитей, были мягки, как лапы кота, и не производили при ходьбе ни малейшего шума. В левом ухе висело серебряное кольцо – отличие княжеских слуг.

Он все еще ошеломленно глядел на своего господина. Красивые голубые глаза его выражали одновременно насмешку и удивление. Почему молодой князь поднялся сегодня так рано и вышел из опочивальни неумытым и неодетым? За ним не водилось такой привычки. Слуга ухмыльнулся про себя, полагая, что если его всегда такой веселый господин вдруг загрустил и лежит, уткнувшись лицом в подушку, значит он чем-то удручен.

Так он понимал виденное. Желая как-нибудь привлечь внимание князя, он подошел к собаке и наступил ей на лапу.

Собака зарычала от боли.

Князь поднял голову.

– Это ты, Иусик?

– Я, господин, – ответил слуга кланяясь. По установленному обычаю, слуга не мог первым обратиться к своему господину и должен был молча ожидать приказаний. Обычно в этот час Самвел умывался и одевался.

Иусик ждал, пока господин соблаговолит потребовать воды, но молодой князь продолжал лежать, не говоря ни слова.

– Знает ли господин мой, что в эту ночь произошло в замке? – спросил Иусик с хитрой усмешкой, желая рассеять грусть господина.

– Что произошло?

– Мыши отгрызли у Папика бороду. (Речь шла о привратнике замка). Вчера вечером, – продолжал юноша, – он чисто вымылся, умастился и отправился в гости к своему зятю. Оттуда приплелся пьянехонек, крепко заснул и даже не заметил, как мыши поужинали у него на подушке.

Князь посмотрел в беспокойные, горящие глаза молодого слуги и строго произнес:

– Это твои проказы, озорник?

– Да нет, бог свидетель!

– Поклянись моей головой!

Юноша, покраснев, умолк.

– Смотри, чтоб эти глупости больше не повторялись.

Шутка не удалась.

– Что же мне было делать?.. – промолвил юноша, смущенно опустив голову. – Притащился пьяный и заснул. В замок ночью прибыл человек, а он даже не почесался.

– Какой человек? – спросил князь настороженно.

– Гонец. Я ему открыл ворота; ой прошел прямо к княгине.

– Ты не спал?

– Я всю ночь не спал...

При этих словах юноша покраснел еще сильнее.

– Опять, видно, возле «ее» дверей томился? – спросил князь смягчаясь.

– Мне ли таиться перед моим князем?.. Так и было...

Юноша был влюблен в одну из служанок княгини, матери Самвела. Князь знал об этом. Прodelка с бородой старика-привратника была одним из последствий этой влюбленности. Старик-привратник мешал ночным похождениям влюбленного. Но князь оставил эту тему и перешел к другой.

– Ну, а гонца ты узнал?

– Сатану узнать не трудно.

– Кто же это?

– Воскан Парехский. Тот самый, что убил свою жену и взял жену родного брата. Он привез письмо от старого князя.

– Он все еще у княгини?

– Нет, он передал письмо, они изрядно поговорили, и он отбыл до рассвета. Я же и выпускал его из замка.

– Об этом никому ни слова. Понял?

– Я глух и нем.

Наивному и веселого нрава Иусику не раз удавалось изгонять печаль из души порой охваченного тоскою господина и рассказами о своих проделках над обитателями замка довольно часто увеселять молодого князя. Но в это утро он был недоволен своими шутками: его господин по-прежнему был печален, опять погрузился в мрачные размышления.

Не очень-то много узнал Самвел от слуги относительно гонца. Одно лишь его заинтересовало: отчего мать так поспешно удалила его? Обычно гонец оставался в замке до получения ответа на привезенное письмо. Что же теперь заставило мать отослать гонца и укрыть его в отдаленном от замка селе?

Он обратился к прислужнику:

– Иусик, не можешь ли ты заранее разузнать о новом приезде гонца к княгине?

– Могу! – с уверенностью ответил юноша.

– У кого?

– У «нее». «Она» мне обо всем расскажет. – Речь шла о служанке княгини, пылко любившей Иусика.

– И можешь узнать, о чем будут говорить княгиня и гонец?

– И это могу.

– Каким образом?

– Скажу «ей». «Она», как бес, всюду пролезет: подслушает и все расскажет.

– Но «она» не должна знать, что это делается по моему приказанию.

– Иусик не дитя, он все понимает.

– А если «она» разболтает?

– «Она» не такая девушка. Велю ей: «молчи», и она будет нема.

Прибывший к княгине гонец был одним из танутеров¹³ Тарона. Его тайный разговор с княгиней мог бы многое объяснить Самвелу, и потому именно он интересовался этим.

Солнце стояло уже довольно высоко над горизонтом, и его теплые, золотистые лучи заливали комнату князя. Он поднялся с дивана и приказал юноше подать воды для умывания.

Князь прошел в опочивальню. Там на полу был разостлан мягкий дорогой ковер. Слуга накрыл его куском тонкотканного полотнища. Князь, поджав ноги, сел на подстилку. Это делалось для того, чтобы не забрызгать ковер. Затем слуга накрыл колени князя белым холщевым передником и поставил перед ним серебряный, художественной работы таз с резными краями, напоминающими тупые зубья пилы. Таз был накрыт плоской сеткой, а мелкие отверстия сетки разукрашены узорами. Использованная вода через сетку стекала в таз, и умывающийся, таким образом, не видел грязной воды. Иусик, встав на колени перед князем, правой рукой лил воду из серебряного кувшина, изображавшего павлина с широко раскрытым хвостом, а в левой держал маленькую серебряную чашечку с душистым мылом. Ручками кувшина служили крылья павлина, а вода лилась из его клюва. Павлин был любимой птицей рода Мамиконянов и служил им напоминанием об их прежней родине – Китае.¹⁴

Окончив умывание, юноша отставил таз и кувшин и чистым полотенцем, перекинутым через плечо, насухо вытер лицо, шею и руки князя. Затем достал гребень из слоновой кости и стал расчесывать ему голову. Голова князя была кругом выбрита, и только с макушки спускались длинные черные пряди; на самой макушке также был выбрит маленький кружок величиною с монету. Расчесав волосы, Иусик хотел натереть голову благовониями.

– Не надо, – сказал князь.

Юноша удивился. Никогда еще не бывало, чтобы князь оставил свои волосы не умощенными.

«Мне надо скрыть свою печаль», – подумал князь и разрешил слуге продолжать обычный убор.

Умастив голову, Иусик собрал толстым узлом все волосы на макушке, а концы спустил на уши и шею свободными прядями. Затем он занялся головными украшениями. Они состояли из тиары, покрытой красивыми вышивками, и разноцветной шелковой повязки. Этим увяслон он обвязал тиару. Спереди к повязке, на лбу, он прикрепил серебряный полумесяц, испещренный таинственными знаками. Две тонкие цепочки, пристегнутые к рогам полумесяца, окружали повязку и скреплялись на затылке серебряными застежками. На каждой из застежек сверкал крупный драгоценный камень. Оставались еще глаза, которые следовало подвести черным порошком сурьмы. Юноша достал из-за пазухи маленькую кожаную сумочку, взял тонкую заостренную золотую палочку, поднес к губам, подышал на нее, чтобы она сделалась влажной, и опустил в порошок. Палочка покрылась тонким слоем черной пыли. Он начал накладывать сурьму на глаза. С большой осторожностью искусными движениями пальцев он водил палочкой по векам, пока они не окаймились черными линиями.

Теперь можно было приступить к одеванию. Иусик помог князю облачиться в шелковую цветную хламиду с разрезным подолом, доходившим до колен. Золотые пуговицы на широких рукавах хламиды имели вид свешивающихся черешен и служили скорее украшением, чем застежками. Такие же золотые пуговицы были и на груди. Талию он стянул тяжелым золотым поясом, усыпанным драгоценными камнями. Замыкающиеся концы его образовывали большую выпуклую резную звезду, усеянную блестками. В центре звезды горел крупный розоватый алмаз, окруженный мелкой алмазной сыпью. Слева к поясу он пристегнул, как всегда, короткий меч, кончик которого касался колена. Как ножны, так и рукоять этого обоюдоострого оружия

¹³ Танутер – глава феодального дома, старший в роде нахарар.

¹⁴ Мамиконяны были по происхождению чаны (т. е. лазы). По созвучию со словом чен – китаец, традиция стала считать этот род китайским по происхождению. – Прим. пер.

были окованы золотом и украшены красивыми узорами. Поверх хламиды князь надел короткую накидку из овечьей шерсти, расшитую золотом. Из-под длинной хламиды спускались пунцовые шаровары, охваченные цветными подвязками, сборки падали на красные сапоги. Этот княжеский наряд завершали два золотых шарика вдетых в уши князя. Самвел знал, что мать непременно позовет его к себе, чтобы поделиться полученными от отца известиями. Поэтому он хотел показаться ей в своем обычном виде, чтобы не вызвать подозрений: она не должна знать, что сын уже получил плохие известия об отце.

Он снова вышел в приемную и принялся растерянно ходить из угла в угол. Его волновала мысль, как вести себя с матерью, когда она начнет говорить о вестях, полученных из Тизбона. Его брал ужас при мысли, хватит ли у него сил, чтобы хладнокровно выслушать ее.

Одно неосторожное слово или движение могло его выдать.

Иусик собирался уже подать завтрак, когда дверь раскрылась и в комнату с низким поклоном вошел и молча остановился человек. Полное отсутствие усов и бороды, лицо, покрытое ранними морщинами, потухший взгляд узких глаз, красные веки, лишённые ресниц, торчащие желтые зубы и бесцветные губы – все говорило, что вошедший – евнух.

– Что тебе нужно? – спросил князь.

Евнух вторично поклонился.

– Госпожа приказала передать моему князю, чтобы он пожаловал к ней.

Князя передернуло, но он, подавив чувство неудовольствия, ответил:

– Хорошо. Скажи, что я приду.

Евнух, еще раз поклонившись, удалился.

Иусик с особым отвращением поглядел ему вслед и, растопырив пальцы правой руки, сделал пренебрежительный жест. Князь это заметил.

– Когда ты поумнеешь, Иусик? – укоризненно сказал он.

– Право, я не лгу, – ответил юноша с некоторым смущением. – Если утром вижу этого человека, то этот день у меня бывает неудачным: либо я что-нибудь разобью, либо разолью, либо еще какая-нибудь беда случается.

Князь улыбнулся.

V. Мать и сын

Утренний туман рассеялся. Наступил теплый лучезарный день. Воздух благоухал бальзамическим ароматом елей. Все улыбалось, все дышало радостью; только сердце Самвела было переполнено глубокой, безутешной тоской.

Выйдя из своих покоев, он прошел через обширный двор замка. Стоявший у входа Иусик сочувственно смотрел ему вслед. Заметив, что господин его грустен, и не зная причины, он также искренно опечалился. Он любил своего доброго и благородного господина, который был к нему всегда снисходителен и никогда его не обижал.

На Самвеле была весенняя легкая одежда. Рукава в широкие складки развевались по ветру. Нарядная хламида и белая легкая накидка придавали его стройной фигуре особое изящество. Появление его по утрам во дворе замка вызывало всеобщую радость; отовсюду устремлялись к нему восхищенные взоры.

Но сегодня он шел, не глядя по сторонам, не поднимая лица, точно в трауре. Таким его еще никто не видел. Как вести себя с матерью? Притворяться? Обманывать ее? Или же открыто осудить поведение отца?.. Он был в замешательстве и не знал, на что решиться. Эти размышления терзали его.

Жизнь в замке уже началась, все пришло в движение. С карнизов башен слетали голуби и влюбленными парами кружились по двору. Служанки в разноцветных одеждах весело шутили, смеялись и разбрасывали корм любимой птице. Евнухи с озабоченным видом молчаливыми тенями выскальзывали из одних дверей и бесшумно скрывались в другие. Тут же бегал хорошенький мальчик, играя с оленьим детенышем, шею которого украшал серебряный ошейник. Это был младший брат Самвела.

При свете дня замок выглядел страшным гигантом. Толстые стены подымались до уровня окружающих утесов и скал, точно руки циклопов, нагромоздив глыбы гигантских камней, воздвигли это мощное кольцо стен, внутри которого находились все жилые помещения большого княжеского дома. Замок был так обширен, что в случае опасности в нем свободно размещалась большая часть окрестных поселян. Вогакан походил скорее на крепость, чем на замок. Простота и прочность преобладали в нем над красотой и изяществом. В замке было множество служб, необходимых для различных надобностей. Самвел проходил теперь по одному из тех дворов, где помещалась девичья.

Он на несколько минут остановился, чтобы поговорить с младшим братом. Красивый мальчик с восторгом стал рассказывать ему о выросших рогах своего красавчика-оленя.

Тут их окружили молодые служанки. Одна из них, черноокая, не робея протянула руку и поправила загнутый воротник на хламиде Самвела.

– Благодарю, Нвард, – улыбаясь сказал князь, – мой Иусик такой бестолковый, что даже не умеет как следует одеть своего господина.

– Да, господин, он очень бестолковый, – проговорила девушка, и от смущения ее бледные щеки зарделись. Это была та самая служанка, которая пленила Иусика.

Самвел еще несколько минут занимался своим братом, его изящным оленем и слушал шутки беззаботных девушек. Он хотел выиграть время, чтобы хорошенько обдумать ту роль, которую собирался играть перед матерью.

В это самое время в одном из роскошных помещений женских покоев перед металлическим полированным зеркалом стояла женщина. Она самовлюбленно, не отрываясь, смотрела на свое изображение и с восхищением поправляла свои головные украшения. Уже не в первый раз подходила она к зеркалу, желая еще раз проверить, на самом ли деле идут ей все эти новые наряды.

В передней раздалися шаги. Женщина торопливо отошла от зеркала, опустилась на диван и облокотилась на бархатные подушки. Лицо ее приняло серьезное выражение. Она выглядела моложе своих лет и казалась цветущей. Хотя ей было уже около пятидесяти лет, она производила впечатление юной невесты, и если бы не полнота, придававшая ей несколько грубый вид, ее можно было бы назвать красивой. Ее большие глаза смотрели гордо и надменно, что несколько портило их нежную красоту. Эта пышная женщина была Тачатуи, мать Самвела.

Самвел вошел, принужденно улыбаясь.

– Доброе утро, дорогая матушка, – сказал он и приблизился к матери, чтобы, как всегда, поцеловать у нее руку. Но, отступив, он воскликнул, будто бы удивленно и с оттенком насмешки: – Что я вижу!.. Бог свидетель! Не спрашивая, могу сказать, что едет отец.

– Как ты узнал? – с ласковой улыбкой спросила мать.

– Ты такая нарядная, руки выкрасила, брови навела... Для кого же все это, как не для него?

Она обняла Самвела, поцеловала его в лоб и усадила возле себя на диван.

– Да, отец возвращается домой, Самвел. А что ты подаришь мне за такую радостную весть? – сказала она и обняла его за шею левой рукой, а правой взяла его за ухо и повторила: – Что подаришь?

– Дважды поцелую тебя, вот и подарок, – ответил сын, стараясь высвободить ухо. – Может ли быть лучший подарок за такую благую весть? Чего же ты еще хочешь?

– Вот этого я и хочу. – Она прижала его к груди и расцеловала в обе щеки.

И приветливость сына и ласка матери были искренни. Она обладала добрым сердцем и любила своих всегда послушных и почтительных детей. Самвел же был покорным сыном, любившим своих родителей. Но сегодня в их искренние отношения впервые вкралось нечто дурное, какая-то злая мысль, которая должна была внести в эту дружную семью раздор и ненависть и, быть может, посеять сильную вражду между сыном и родителями. Всякий раз, думая об этом, Самвел содрогался всем телом.

Те же опасения с неменьшей силой волновали и сердце матери. Горячий патриотизм Самвела, его твердая вера, религиозное рвение были ей хорошо известны. Как же она скажет ему, что отец изменил вере и во главе вражеского войска идет на Армению?

Сама она давно уже была во всем согласна с мужем. Оба они принадлежали к тем ярым персофилам, которые ненавидели греков, а с ними и всю армянскую династию царей Аршакуни. Княгине не приходилось еще открыто высказывать свои персофильские взгляды в политических вопросах. Но зато у себя в доме она упорно старалась вводить персидский язык и персидские обычаи, что всегда вызывало сильное недовольство сына. Глухая семейная борьба между матерью и сыном началась уже давно, и давно уже Самвел готов был решительно воспрепятствовать намерениям матери. Однако обстоятельства были столь незначительны, поводы столь невинны, что еще не находилось причин для резких семейных разговоров. Но как быть теперь? Теперь надо было либо порвать навсегда все кровные узы, либо безропотно покориться воле родителей. На последнее мать не надеялась, зная настойчивость и твердость Самвела. Всю ночь она размышляла об этом и все же не пришла к определенному решению. В конце концов она решила сообщить сыну только часть полученных сведений, а об остальном поговорить при более благоприятных условиях.

Для начала она стала занимать сына посторонними разговорами.

– Как ты находишь мои новые уборы? – спросила она.

– Клянусь головой отца, они великолепны. Жаль, что ты забыла покрасить губы. Тогда ты была бы во всем схожа с персидской царицей.

– Ты издеваешься надо мной, Самвел?

– Над чем же мне издеваться? – усмехнулся сын, с большим вниманием рассматривая ее украшения. – Все так красиво, так чудесно! Посмотри вот на этот серебряный, усыпанный

алмазами рог луны, который так искусно повязан у тебя на лбу. Он сверкает, словно молодой месяц на ясном небосводе. Этот полумесяц сулит тебе радость так же, как луна дает блага живым существам. А эти алмазы вокруг полумесяца? Они наполнят твое сердце постоянным весельем, ты во всем будешь иметь успех, всегда будешь приятна царским очам... Хороша и эта тана¹⁵, имеющая форму гвоздики, она услаждает тебя своим благоуханием; бирюза небесного цвета наполнит золотом и серебром твою сокровищницу, сделает обязательным для всех любое твое слово, любое желание и оградит тебя от царского гнева. А как красиво горят изумруды на этих золотых шариках. Они будут охранять твой слух от неприятных звуков и радостной музыкой веселить твое сердце. А эти изумруды? Они ослепят змей и чудовищ и сделают тебя неуязвимой, ты можешь не страшиться тогда укусов ядовитых пресмыкающихся и насекомых. А вот жемчужное ожерелье – таинственный талисман, в нем заключено твое счастье, твоя чарующая сила и твое волшебное обаяние, столь необходимое женщине...

Самвел взял руки матери в свои и продолжал:

– Сколько красоты и таинственности в этих змеевидных браслетах! Они дают твоим рукам проворство, а тебе мудрость, какую змий дал нашей пра матери Еве. А эти нарукавники, украшенные кораллом и цветными бусами, в которых содержатся, кто знает, какие талисманы, они оберегают тебя от злого глаза и лихого случая, охраняют от соблазнов дэвов, каджев¹⁶ и всех невидимых духов. Я уверен, что в этих нарукавниках защиты таинственные письма какого-нибудь мага.

Княгиня нахмурилась. Сын продолжал объяснять значение перстней:

– Вот перстень с красным яхонтом, с его помощью ты будешь привлекательной для всех. А вот другой, с сердоликом, – он предотвращает кровопролитие. Вот этот, третий, с розовым лалом – рассеивает печаль и прогоняет демонов. Вот четвертый, с змеевиком, – перед ним бессилён яд. А этот, пятый, с желтым камнем, разрушает злые помыслы...

Княгиня поняла, что сын смеется над ее суеверием, и языческими предрассудками, и потому строго и обиженно прервала его:

– Довольно. Я знаю твое слабоверие, ты таким вещам не веришь...

– Напрасно ты так думаешь, дорогая мамаша, – ответил Самвел невозмутимо, – я хочу только показать, что я не такой уж невежда и кое-что понимаю во всем этом...

– Разве прежде я не носила таких украшений? Разве их нет у жен наших нахараров?

– Ты права... И то правда, что жёны наших нахараров тоже их носят, но существует некоторая разница: твои чересчур похожи на персидские.

– Пусть так. Что тут такого?

– Ничего... Меня лишь одно удивляет: как быстро, ты успела все это подготовить.

– Я давно поручила... я только ожидала...

– Чтобы надеть, когда услышишь, что едет отец? Не так ли?

Мать ничего не ответила и, заметив, что разговор принимает неприятный оборот, перешла к другому:

– Знаешь, Самвел, для чего я тебя позвала?

– Не знаю...

– Я получила письмо от твоего отца и позвала тебя, чтобы сообщить тебе об этом.

– Получила письмо? – воскликнул Самвел. – Вот радость! Очень большая радость! Когда же получила?

– Сегодня ночью. Прибыл гонец.

Она поднялась, всунула ноги в голубые туфли, стоявшие на полу перед диваном, прошла через залу к одной из ниш и подняла шелковый занавес. Только теперь, когда она отвернулась,

¹⁵ Тана – персидское украшение для женщин, которое носили под носом.

¹⁶ Каджи – злые духи подземелья.

Самвел обратил внимание на узел из косичек, завязанный у нее на затылке, где среди украшений виднелся талисман из когтя гиены, вставленный в серебряный черенок.

Княгиня достала свернутый в трубку пергамент, перехваченный шелковой разноцветной тесьмой, и подала его сыну.

– Вот письмо от отца, – сказала она.

Самвел радостно развернул пергамент, посмотрел и разочарованно произнес:

– Здесь написано по-персидски...

– Я неоднократно советовала тебе учиться персидскому языку, – сказала мать поучительно и с упреком, – но ты не слушался меня; ты предпочитал эти проклятые языки – греческий и сирийский. А теперь, вот видишь, не можешь прочесть письмо отца. Ты даже своему маленькому брату Вагану запрещал учиться по-персидски. И все же он не только свободно говорит на этом языке, но и умеет писать.

Наставления матери задела Самвела, однако он постарался сдержаться и сказал:

– Ты, конечно, читала письмо, расскажи мне, о чем пишет отец.

Княгиня передала Самвелу все, что ему было уже известно: что царь Шапух сделал ее мужа спарпетом Армении, что Меружану, брату княгини, он обещал армянский престол и как награду свою сестру Вормиздухт, что оба, отец и дядя, идут вместе с персидским войском в Армению. Один – чтобы стать армянским царем, а другой – спарпетом.

Во время этого рассказа лицо княгини сияло беспредельной радостью. Самвел слушал ее с глубоким волнением, рука его все крепче сжимала зловеющий пергамент. Но эти горестные и позорные вести, предвещавшие гибель родины, не застали его врасплох. Он был к ним подготовлен.

Княгиня поведала сыну не обо всем. Она сообщила ему только то, что было написано в письме. Но скрыла, что его отец и Меружан Арцруни отреклись от христианства, приняли персидскую веру и обещали Шапуху распространить ее в Армении и что для этой цели Шапух направил с ними в Армению множество персидских жрецов, чтобы взамен церковью воздвигнуть капища и всюду открыть персидские школы, в которых должны будут воспитываться дети нахараров и знати в персидском духе и в догматах персидской религии. Умолчала она также и о мученической смерти Васака, дяди Самвела, и о заточении царя Аршака в крепость Ануш. Обо всем этом княгиня, конечно, знала; обо всем этом, без сомнений, ей устно должен был сообщить гонец, доставивший письмо.

Тяжелое впечатление, которое произвел на Самвела ее рассказ, не укрылось от внимания княгини, но, делая вид, что она ничего не замечает, княгиня обняла и прижала сына к груди.

– Поздравь же меня, дорогой Самвел. Брат мой станет царем Армении, а твой отец – спарпетом.

Самвел оказался в незавидном положении: ему оставалось либо открыто высказать свое возмущение поведением отца и Меружана, рассказать все, что было ему известно об их предательстве, либо промолчать, чтобы неосторожной выходкой не выдать своих замыслов и решений. Но он не мог молчать; надо было что-то ответить. Из таких затруднительных положений Самвела обычно выручала, с одной стороны, его недоверчивость, а с другой – ирония.

– Не преждевременно ли ты радуешься, дорогая мамаша? – насмешливо сказал он, высвобождаясь из ее объятий.

– Почему преждевременно? – спросила мать дрогнувшим голосом.

– Армянский царь еще жив...

Княгиня не выдержала и высказала то, что пыталась скрыть.

– Царь Армении заключен в крепость Ануш, а оттуда никогда не возвращаются.

– Да, я знаю... оттуда не возвращаются. Но ведь существует наследник престола. Он в Константинополе, у христианского императора.

– Кто же его доставит в Армению и возведет на престол?

– Греческие войска и армянские нахарары...

– До их прибытия Армения будет занята персидскими войсками, а мой брат станет царем.

– Желаю удачи...

– Не веришь, Самвел? Ну, да ты сам скоро во всем убедишься, – сказала мать наставительно. – Ты говоришь, что наследник армянского престола находится у императора, что он придет во главе греческих войск и займет престол отца? А знаешь ли ты, кто теперь греческий император? Валент – злейший враг армян. Он не только не принял армянского первосвященника Нерсеса, приехавшего к нему просить о помощи, но даже сослал его на остров Патмос в Средиземном море. Разве это тебе не известно?

– Нет, я слышу об этом в первый раз...

Но об этом бесчестном поступке гонителя Валента Самвел знал уже давно. Он с большим напряжением следил за всеми бедствиями, которые переживала его родина. И его чувствительное сердце было изранено творившимися злодеяниями.

В нем появилось желание выразить матери свое негодование по поводу одобрения ею бессовестного поступка Валента. Ему даже захотелось высказать ей свое глубокое возмущение поведением отца и Меружана, объяснить, какие губительные последствия могут повлечь за собой их действия. Наконец, раскрыть перед ней свое непреклонное решение противостоять всеми силами намерениям отца.

Но Самвелу хорошо было известно закоренелое честолюбие матери. Она желала быть супругой спарапета и сестрою царя. Перед этим страстным желанием все его доводы были бы бессильны.

И благоразумие сковало ему язык.

VI. Двоюродные братья

Нахарары из рода Мамиконянов издревле пользовались преимущественным правом быть спарапетами Армении. Эта высокая должность передавалась из поколения в поколение: сын наследовал ее после смерти отца. Впрочем, бывали исключения, когда и из других нахарарских домов Армении избирались спарапеты, но это случалось только тогда, когда Мамиконяны и армянские цари враждовали между собой.

Таронская область была наследственным уделом Мамиконянов. В Глакском монастыре находились их фамильные гробницы; замок Вогакан был резиденцией их княжества. Помимо Тарона, нахарары из рода Мамиконянов владели также землями в области Тайк, где была расположена неприступная крепость Ерахани.

Род Мамиконянов был известен не только военачальством. Он славился храбростью, патриотизмом и благородством. Из этого рода выбирались наставники престолонаследников Армении и их дядьки.

Все армянские нахарары относились с большим почтением к представителям этой семьи, даже сам царь оказывал им особое внимание: столь велико было нравственное влияние этого рода. Вот почему во всех значительных событиях Мамиконяны являлись главными участниками. Самоотверженность, высокие добродетели и беззаветная храбрость были отличительными чертами этого рода.

В царствование Аршака II наиболее выделялись из рода Мамиконянов два брата Васак и Вагач. Васак, бывший наставник царя Аршака, получил звание спарапета Армении; Ваган же был в должности азарапета¹⁷.

И вот ни одного из этих братьев в Вогакане уже не было. Гонцы привезли из Тизбона скорбную весть об их гибели. Васак принял смерть от руки персидского царя Шапуха. Ваган же умер духовно еще при жизни: стал предателем. В замке остались лишь их сыновья: Самвел – сын Вагана и Мушег – сын Васака.

Стояла ночь. В той части замка, которую занимала семья Васака, погасли огни. Только в одном окне сквозь плотные занавеси пробивался слабый свет: там еще не спали. Какой-то мужчина нетерпеливыми шагами ходил взад и вперед по комнате, иногда присаживаясь на диван. Его беспокойные взоры то и дело обращались на дверь. «Что это значит? – думал он. – Самвел просил у меня тайного свидания. Что случилось? Он хочет мне что-то сообщить?.. Неужели опять получены тревожные вести? Ведь если случилось что-то радостное, зачем ему приходиться ночью?»

Так думал Мушег, сын Васака Мамиконяна. Он был на шесть или семь лет старше Самвела – красивый, хорошо сложенный мужчина, каждая черта которого выражала благородство воина.

Комната, где он находился, не блистала роскошью. На полу ковры из грубого волоса и у стен несколько сидений, покрытых также грубыми коврами. Всюду бросалось в глаза оружие, не отличавшееся богатством украшений. Куда ни посмотреть, ясно было видно, что Мушег и в своем княжеском доме сохранил суровость боевой обстановки. Простота его одежды вполне соответствовала простоте его жилища. Все свидетельствовало скорее о стойкости и выносливости, чем об утонченности и изощренном вкусе.

Мушег подошел к окну, отдернул занавеску и открыл одну из створок. Он долго стоял неподвижно и вглядывался в темноту ночи. Не видно ни зги, не слышно ни звука, все погрузилось в сон. Пока он вглядывался во тьму, его мысли унеслись далеко, далеко – ко двору Тизбона. Там его дорогой отец. Там же и его дорогой государь. Со времени их отъезда от них нет

¹⁷ Азарапет – главный эконом царя, ведавший государственным хозяйством и налогами.

никаких известий. В чем причина столь долгого молчания? Быть может, их обманул Шапух? Неужели все пути отрезаны? Он ничего не знал, его думы были так же печальны и беспросветны, как темна была эта ночь, в которой блуждали его полные гнева глаза.

В таком состоянии духа застал его Самвел, когда, тихо отворив двери, он сзади подошел к двоюродному брату и положил ему руку на плечо. Мушег очнулся от глубокого раздумья и, обернувшись, сказал:

– Ты изрядно помучил меня, Самвел.

– В этом виновата моя мать, которая окружила меня шпионами, – с гневом ответил Самвел, – я еле выбрался.

– Значит, случилось что-то важное, раз она прибегает к помощи шпионов, – сказал Мушег, и его грустное лицо еще сильнее омрачилось.

– Сядем, я расскажу тебе обо всем.

Братья сели на диван. Самвел несколько минут колебался, не зная, с чего и как начать рассказ, чтобы не причинить Мушегу сильной боли. Он начал с небольшого предисловия, выразив уверенность в том, что могучая воля и мужество Мушега помогут ему спокойно выслушать сообщение и что они вдвоем, несомненно, найдут способ предотвратить злое события.

Но Мушег нетерпеливо прервал Самвела:

– Ради бога, не надо лишних слов. Рассказывай, что тебе известно. Можешь быть уверен, я не заплачу, как женщина.

Тогда Самвел сообщил ему все, что узнал от гонца: о том, что отец и Меружан заключили союз, что они изменили христианству, перешли в персидскую веру и ведут языческих жрецов и персидские войска на Армению, чтобы завладеть ею. Рассказал и о том, что Шапух отдал Меружану свою сестру Вормиздухт в супружество и обещал ему армянский престол, если он сумеет захватить и отправить в Персию армянских нахараров и видных представителей церкви, а затем распространить в Армении огнепоклонничество. Рассказал также и о том, что Ваган назначен спарпетом Армении, а царь Аршак заключен в крепость Ануш.

– А мой отец? – прервал его Мушег.

Самвел в смущении остановился, но затем ответил:

– Твой отец также...

– Заключен в темницу?

– Да, заключен в темницу...

– Вместе с государем?..

– Да, вместе с государем...

Самвел говорил правду: отец Мушега действительно находился вместе с царем в крепости Ануш, но перед закованным в цепи царем стоял не живой Васак, а набитый соломой его труп. Еще до встречи с Мушегом Самвел мучился целый день, раздумывая, как сообщит другу о жестокой смерти отца. Это известие могло тяжело подействовать на Мушега, который сильно любил своего отца и, узнав о его смерти, мог впасть в полное отчаяние. В конце концов Самвел решил смягчить удар и сообщил, что отец Мушега заключен в крепость вместе с царем.

– О, вероломный перс! – воскликнул Мушег гневно. – Для тебя не существует ни святости слов, ни клятв! Перстень с изображением вепря ты вдавил в соль, – ведь это наисвященнейшая клятва по законам твоей религии; соль эту в знак мира ты прислал сюда, приглашая к себе моего отца и царя Аршака. И после этого ты вероломно заключил их в крепость. О, нечестивец!

Эти слова относились к царю Шапуху, который злодейским обманом заманил в Тизбон армянского царя и спарпета Армении. Мушег повернулся к Самвелу:

– Правда, что в течение тридцати лет мой отец непрерывно воевал с войсками Шапуха и постоянно их побеждал. Но он воевал благородно. В душе Шапуха нет ни капли благородства, раз он мог забыть, с каким великодушием отнесся к нему мой отец. Однажды, когда Шапух, разбитый наголову, бежал с поля битвы, – весь его лагерь вместе с его женами был взят в плен

моим отцом. Но отец с почетом отправил его жен обратно на паланкинах во дворец персидского царя. Обо всем этом Шапух забыл. Изменил клятве и обманул... О, мерзкий злодей!..

Такие полные горечи слова срывались с уст опечаленного сына. Сердце его горело жаждою мщения. Переполненный гневом он встал и, остановившись перед Самвелом, сказал:

– Слушай, Самвел. Мы будем недостойны своих предков, мы будем сыновьями потаскушек, если оставим эти злодеяния неотомщенными. Чаша терпения переполнилась, враг исчерпал меру злодейства.

Мушег сделал несколько шагов по комнате; заметив, что окно открыто, он закрыл его и опустил занавес. Он пылал гневом, большие глаза его горели, губы дрожали, как в лихорадке. Мужественное лицо побелело словно мрамор. Он остановился перед Самвелом и, глядя в его скорбные глаза, спросил:

– Что же ты молчишь? Почему не отвечаешь?

– Ты счастливее меня, Мушег, – сказал Самвел. – Твой отец был герой и не дрогнул даже перед лицом смерти. Он всю жизнь провел в борьбе с врагами родины и до конца остался верен своему несчастному царю... Мне рассказывал гонец, с каким величием держался он на суде перед Шапухом, обличая его вероломство. Все судьи и даже сам царь были удивлены его смелостью. Я же несчастный. Мой отец, недостойный брат достойного родича, изменил родине, изменил своему венценосцу. Сделавшись гнусным орудием в руках Шапуха, он идет теперь, чтобы предать родную страну огню и мечу. Он идет разрушить те храмы, которые были сооружены его предками и в которых он сам был крещен. Он идет, чтоб заставить нас молиться по-персидски и поклоняться персидским богам...

Слезы помешали ему говорить. Он обеими руками закрыл глаза и горько зарыдал. Самвел не обладал жестокосердием и твердостью Мушега. Он был столь мягок сердцем, его чувства были столь нежны, что даже незначительные события могли оказать на него огромное влияние. Но Мушег не обратил внимания на его слезы и в бешенстве воскликнул:

– Да, твой отец изменник! Он запятнал честь дома Мамиконянов. Надо стереть это пятно.

Он отвернулся и устремил взгляд на портрет деда Ваче, висевший на стене. Несколько минут глядел на него Мушег с выражением глубокого почтения. Затем, указывая на деда, сказал Самвелу:

– Когда на поле битвы, после кровопролитной борьбы с персами, герой этот пал, – всю Армению охватило горе. Плакал царь, плакало войско, плакали поселяне. Во время его похорон великий армянский первосвященник Вртанес, сын Григория Просветителя, в своем надгробном слове так утешал народ:

«Утешьтесь во Христе. Он умер, но смертью своей он обессмертил себя. Ибо он принес себя в жертву нашей стране, нашим храмам и нашей богом данной вере. Он умер ради того, чтобы наша страна не подверглась опустошению захватчиками, чтобы не был нарушен чин наших храмов, чтобы наши святыни не попали в руки неверных. Если бы враги наши завладели нашей страной, они утвердили бы в ней свою нечестивую веру. Этот боголюбивый мученик сражался за то, чтобы изгнать, исторгнуть зло из нашей страны, и он умер ради того, чтобы в нашу благочестивую страну не проникло беззаконие. Пока он был жив, он боролся за правое дело, когда же приблизилась смерть, пожертвовал собою за истину господя и за спасение его паствы. Он не пожалел отдать свою жизнь за родину, за братьев и за святую церковь, и он будет сопричислен к мученикам во Христе. Не будем оплакивать эту великую потерю, но почтим усопшего за его самоотверженность и установим обычай всегда и во веки веков чтить в наших церквах память о его храбрости наряду с памятью о мучениках христианских».

Произнеся надгробное слово патриарха, которое Мамиконяны знали наизусть, так как оно являлось их традиционным символом веры, Мушег добавил:

– Армянская церковь во время литургии перед святым престолом поминает в числе своих мучеников и нашего деда. Но отныне та же церковь будет произносить проклятие его недостойному сыну.

– И это мой отец!.. – воскликнул Самвел горестно.

Мушег ответил:

– Враг родины, изменник родины не может быть ни твоим отцом, ни моим дядей. Отныне он для нас чужой, и даже более чужой, чем какой-нибудь перс. Согласен ли ты со мной, Самвел?

– Целиком!

– Дай руку!

Самвел протянул дрожащую руку.

– Решено, – сказал Мушег и подсел к брату. – Теперь подумаем, что нам предпринять.

Воцарилось долгое молчание.

– Слушай Самвел, – начал Мушег. – Никогда еще Армения не была в такой опасности, как теперь. Царь, патриарх и спарапет – все в плену, и, враги поспешат этим всемерно воспользоваться. И еще сильнее, чем внешние враги, угрожают нам внутренние раздоры. По полученным мною сведениям, многие наши области и провинции восстали против царя и хотят свергнуть власть. Восстал Агдзникский бдешх¹⁸, он возвел громадную дзорайскую стену и отгородился от нас. Восстал Норшираканский бдешх. Восстали бдешхи дома Махкера, Нихоракана и Дасынтрея. Восстал бдешх Гугарка. Восстал тер¹⁹ провинции Дзороц, тер провинции Кохб и тер Гартманадзора. Охвачена восстанием сильная провинция Арцах, гавар²⁰ Тморик и Кордрикский ашхар; восстал Кордухский тер. Восстал весь Атрпатакан, сильный ашхар Маров и ашхар Каспов. Восстали также князья Анцитский и Великого Цопка. Пограничные с персами князья присоединились к персам, пограничные с греками – перешли на сторону греков.

Самвел, слушавший все это с глубоким возмущением, прервал Мушега и воскликнул:

– Нет совести у тех князей, которые, являясь хранителями границ, в минуту общей опасности, вместо того чтобы защищать страну от врагов, сами восстают и протягивают руку врагу. Что же мы можем предпринять, когда главные силы нам изменили?

– С нами народ! – грозно произнес Мушег. – Враг допустил большую ошибку, и мы ею воспользуемся. Враг посягнул на священные чувства народа – на церковь. Если бы твой отец и Меружан Арцруни знали душу армянского народа, они бы не посмели трогать церковь. Тогда, быть может, они и сумели бы покорить Армению. Но теперь они проиграют, я в этом уверен.

– Народ еще ни о чем не догадывается...

– В этом нам сильно поможет духовенство. У тебя, Самвел, близкие отношения с Аштишатским монастырем. Завтра, не теряя времени, отправляйся туда и сделай, что следует. Я тоже разошлю людей по всем монастырям.

– Но я не знаю, как мне поступить с матерью. Она совсем связала меня.

– Твоя мать, Самвел, ужасная женщина; она может причинить нам большой вред; ты должен быть с ней осторожен.

– Осторожен? Как?

– Ты должен показать, будто согласен с ней.

– Значит, надо лицемерить? Это будет тяжело для меня.

– Пока другого выхода нет.

¹⁸ Так назывались правители четырех окраинных областей древней Армении. Эти самые крупные феодалы должны были охранять границы государства от врагов.

¹⁹ Слово тер имеет различные значения в зависимости от того, в каком контексте оно употребляется. Означает: властелин, господин, всемогущий, создатель, всевышний. Его употребляли при обращении к крупнейшим феодалам, светским и духовным.

²⁰ Гавар, ашхар – крупные территориальные единицы Армении (в значении «край», «область», «провинция»).

VII. Предлог

Солнце стояло уже высоко, но Самвел все еще не выходил из опочивальни. Он поздно ночью вернулся от Мушега и лег в постель почти на рассвете. Иусик уже несколько раз подходил к дверям его опочивальни и с нетерпением прикладывал ухо к замку, долго, с осторожностью прислушиваясь к тяжелому дыханию и вздохам своего господина. «Не захворал ли?» – подумал он наконец. Приветливое лицо доброго юноши приняло глубоко опечаленное выражение.

После ухода Иусика в приемную палату вошел старик, сухой и тонкий, как скелет. Голова и борода его были совершенно белые, холодное лицо цвета пергамента, с резкими чертами говорило о твердом характере. Казалось, он сам не знал, зачем пришел, но вскоре нашел себе занятие. Он стал ходить от одного предмета к другому, рассматривать каждый, переставлять с места на место; подошел к стоявшим в углу пикам и копьям и, взяв одно из них, перенес в другой угол, а копьё правого угла переставил в левый. Посмотрел на пику и, заметив, что она стоит косо, поправил ее. За этим занятием застал его вошедший в комнату Иусик.

– Разве это твое дело? – сказал Иусик, хватая старика за руку. – Опять пришел, чтобы все перепутать?

– Молчи, щенок! – крикнул старик и с такой силой отшвырнул Иусика, что, не обладая той ловкостью кошки, он, наверное, рассыпался бы, как штукатурка, по полу.

– Тише, милый Арбак, – взмолился юноша, – князь еще спит.

– Спит... – насмешливо протянул старик, – нашел время спать! Ничего, сейчас проснется...

Шум в приемной палате действительно разбудил Самвела. Старик Арбак был дядькою Самвела. Молодой князь вырос у него на руках; поэтому Арбак и вел себя с такой непринужденностью. Это был старый воин с суровым и чистым сердцем. Несмотря на свой возраст, он сохранил свежесть мужественной души. Самвел уважал этого человека, уважал его старость и его нестареющую храбрость. И теперь еще стрела, пущенная стариком, попадала в цель, его глаз не утратил меткости. Арбак был учителем Самвела во время охоты и военных упражнений; он учил его бегать, прыгать с крутизны, укрощать строптивого коня, стрелять из лука и пробивать стрелой железную броню, – эти упражнения делались и на медных досках; учил одним взмахом меча отсекать человеку голову или с размаху разрубить его пополам, – эти опыты производились на животных.

Учил переносить голод и жажду и спать под открытым небом, на голой земле. Словом, Арбак развивал в Самвеле те качества, какими должны были обладать в ту суровую эпоху дети нахараров, для того, чтобы стать хорошими воинами и храбрыми людьми. Основы нравственного воспитания дядьки Самвела были весьма несложны. Они состояли лишь из нескольких требований: не лгать, исполнять данное слово, быть милосердным к больным и слабым, быть верным царю и отчизне, довольствоваться малым и быть воздержанным. Более же углубленное нравственное и духовное воспитание Самвела было поручено особым педагогам, которые обучали его религии, языкам и наукам. Эти учителя приглашались из находившегося поблизости Аштишатского монастыря.

Арбак, как человек очень скромный, предпочитал, чтобы о нем говорили другие. Но временами, когда кому-нибудь случалось рассердить его, он напоминал провинившемуся о своей родовитости. «Я не какой-нибудь подкидыш», – говорил он в таких случаях. Арбак особенно любил рассказывать о том сражении, во время которого персы разрушили плавучий мост на Евфрате и не хотели пропустить Юлиана, а армяне, прогнав персов, открыли дорогу Юлиану. «Ах, если бы я знал, каким недостойным окажется Юлиан», – этими словами заканчивал обычно он свой рассказ.

Всякий раз, как Арбаку рассказывали какие-нибудь военные чудеса, он неизменно отвечал: «А вот когда мы дрались у Евфрата...», и затем излагал историю боя у плавучего моста. Он не мог простить Юлиану Отступнику его поступок с армянским царем Тираном, послуживший причиной гибели выдающегося армянского первосвященника.

Наконец Самвел, вышел из опочивальни и, увидев Арбака, приветствовал его словами:

– Здравствуй, Арбак, что скажешь?

– Будь здоров! – ответил старик и, поджав ноги, уселся на ковер.

Он не любил сидеть на высоких креслах и диванах, считая такой обычай смешным. «Это значит садиться на деревянного коня, который не двигается», – говорил он, выражая свою иронию в форме такой загадки.

– Хорошо, что пришел, Арбак, – сказал Самвел. – Я хочу сегодня отправиться на охоту.

Старик улыбаясь ответил:

– Поглядите-ка на этого охотника: нечего сказать – раненько изволил подняться. Солнце-то уж на целых пять джид²¹ поднялось на небе.

Этим он хотел сказать, что солнце поднялось над горизонтом на высоту пяти пик. Пика являлась для Арбака мерой, с помощью которой он измерял любое расстояние.

Упрек старика был справедлив. Самвел никогда не имел привычки вставать так поздно. Кроме того, на охоту отправлялись обычно до восхода солнца.

Самвел стал оправдываться говоря, что прошлой ночью ему не спалось и что он уснул лишь на рассвете. Но эти объяснения совершенно не убедили Арбака. Он полагал, что раз молодой человек по ночам не спит, значит ему в голову лезет всякая «чертовщина», а это он находил крайне недостойным.

На Самвела он привык смотреть как на ребенка, который когда-то не умел высморкать нос в платочек, данный матерью. Он никак не мог примириться с тем, что ребенок этот уже вырос, возмужал, имеет собственную волю и желания. Хотя Самвел давно вышел из-под его опеки, но, уважая старика, иногда обращался к нему за советом. И тогда Арбак становился крайне требовательным.

Теперь, уступая мольбам своего питомца, он сказал:

– Ну, если уж едешь, пойду прикажу подать тебе гнедого.

– Почему гнедого? Ты же знаешь, что мой любимый конь белый.

– Белый пока не годится, – ответил Арбак деловитым тоном. – Этот негодяй, как я заметил, все еще дурит. Он когда-нибудь доведет тебя до беды.

Самвел ничего не возразил, но предупредил его, что возьмет с собою только двух слуг и двух борзых. Арбаку это показалось очень странным, так как он привык соблюдать строго все обычаи и правила охоты. Всякий раз, когда князь отправлялся на охоту, его сопровождали десять – двадцать всадников и такое же количество собак. За несколько дней до охоты рассылались приглашения сыновьям соседних нахараров. Наконец, заранее назначались приготовления. «Что это ему вдруг сегодня с утра взбрело в голову скакать на охоту... и только с двумя всадниками?.. Виданное ли дело? Прилично ли это молодому князю?»

Но Самвел поспешил успокоить старика. Он объяснил, что ему скорее хочется просто прогуляться, чем охотиться, потому что чувствует себя плохо, прогулка несколько развлечет его.

В замке уже знали о близком возвращении спарапета Вагана из Тизбона, но подробности, сообщенные гонцами, конечно, никому еще не были известны. Самвелу хотелось узнать, какое впечатление произвела эта весть на старика.

– Знаешь, Арбак, отец возвращается... Теперь он спарапет Армении.

²¹ Джид – персидская мера длины.

Арбак вместо ответа провел рукой по голове и принялся усердно потирать лоб. Казалось, он затруднялся с ответом.

– Что же ты молчишь?

– Плохо это пахнет! – прямодушно отрезал старик и начал еще энергичнее потирать себе лоб.

– Почему, Арбак? Разве так можно говорить? – спросил Самвел, представляясь обиженным.

Арбак провел рукой по седой бороде и, зажав ее в кулак, проговорил:

– Каждый волос этой бороды побелел в опасности, Самвел! Я многое видел и многое испытал.

Он умолк, ничего больше не прибавив, но его опечаленное лицо досказало Самвелу остальное. Старик еще не знал, какие злодейские поручения дал Шапух отцу Самвела для проведения в Армении. Но одна мысль о странном назначении Вагана спарапетом внушала ему беспокойство, так как эту должность, по установившемуся в роде Мамиконянов обычаю, должен был занимать его старший брат Васак. По какому же праву персидский царь Шапух вмешался в распоряжения, которые всецело, зависели от армянского царя? Все эти сомнения высказал с большой горечью старик, поднявшись с места и направляясь к двери.

– Радостен был бы приезд нашего тера, если бы он возвращался из Тизбона вместе с царем, а не с Меружаном Арцруни...

Арбак сильно хлопнул за собой дверь и ушел в переднюю, что-то бормоча себе под нос.

Возмущение Арбака больно отозвалось в сердце Самвела. «Какая глубокая печаль охватит всех в замке, когда обнаружится истина, – подумал он. – Поступок отца никого не обрадует, кроме моей матери... Отец привезет с собой в дом ссору, зависть и ненависть...»

В течение всего разговора Иусик находился в комнате. У него не было ни знаний Арбака, ни его опытности, но он чуял недоброе и не мог себе объяснить, почему его господин, узнав о приезде отца, вместо того чтобы обрадоваться, впал в уныние.

В это утро Иусик, словно изменив своей обычной веселости, был в каком-то грустном настроении.

Самвел обратил на это внимание и спросил с участием:

– Что с тобою, Иусик? Почему ты такой молчаливый?

Тот тревожно оглянулся и, приблизившись к Самвелу, чуть слышно прошептал:

– Знаешь, мой господин, что я узнал...

– Что? – с любопытством спросил Самвел.

– Человек этот... сегодня ночью опять был у госпожи.

– Какой человек?

– Гонец, который привез письмо от старого тера.

– Кто тебе сказал это?

– «Она».

– Нвард?

– Да. Нвард. Она сказала, что поздно ночью евнух Багос провел гонца к княгине. До прихода гонца княгиня сидела у себя в ожидании. Они заперли двери и, уединившись, долго совещались.

– О чем они говорили?

– Нвард не все расслышала; они говорили шепотом. Но сквозь дверную щель ей удалось подсмотреть: госпожа передала гонцу пачку писем и приказала ему объехать многие страны, повидаться со многими людьми и передать им эти письма.

– Нвард не сообщила тебе названия этих стран: и имена людей?

– Я спрашивал, но она не запомнила, так как имена все незнакомые. Но она лишь слышала, как госпожа строго-настрого приказала гонцу немедленно отправиться в путь, объехать все места в течение двух недель и повидаться с теми людьми, которых она ему указала.

– Неужели Нвард не запомнила ни одного имени?

– Да! Забыл сказать, она запомнила имя одного. По словам Нвард, госпожа велела гонцу прежде всего отправиться к Вараздату, верховному жрецу «детей солнца»²².

Услышав это имя, Самвел сильно побледнел. Одного этого имени было достаточно, чтобы догадаться об опасных намерениях его матери. В Тароне еще существовал в это время среди армян древний культ солнца. Его последователей называли «детьми солнца». Во избежание гонений со стороны армян-христиан они, оставаясь приверженцами старой религии, внешне старались выдавать себя за христиан. Но, подвергаясь гонениям и притеснениям, они постоянно ждали только подходящего случая, чтобы поднять восстание. И вот теперь такой случай представился: княгиня Мамиконян, владельница Тарона, возвещала благую весть их, главному жрецу и призывала его на помощь. А кому, же, как не «детям солнца», откликнуться на призыв княгини? Ее супруг, тер Тарона, возвращается из Тизбона на родину с целью уничтожить христианство. Он несет с собой персидский культ солнца. И кому же, как не «детям солнца», встретить его с распростертыми объятиями? Число же их в Тароне, особенно у границ Месопотамии, было немалое. Следовательно, была уже готова почва, на которой мать Самвела начинала сеять семена внутренних раздоров.

Все это было ясно Самвелу.

В это утро гонец матери пустился в путь, направляясь к главному жрецу «детей солнца». А Самвел под предлогом охоты собирался поехать в Аштишатский монастырь – к матери всех церквей Армении. Там были сосредоточены видные силы христианства. Он отправлялся сообщить местному духовенству о наступающей опасности, собирался увещевать священнослужителей, чтобы они со своей стороны призвали к борьбе христианский люд. Представители двух единоплеменных армянских религий должны были бороться друг с другом. Первых побуждала мать, вторых – сын.

Одна из дверей приемной палаты вела в одевальню, иначе называвшуюся «домом хламид». Там, в нишах, в больших и малых узлах, хранились наряды Самвела. Собольи же шубы и разного рода верхняя одежда для всех времен года висела в более обширных нишах и была закрыта занавесками. Особое место занимали его военные и охотничьи одеяния. Все это было дорогое, все разукрашено золотом и серебром. Самвел вошел в одевальню и выбрал там короткий и легкий охотничий наряд. В этой прекрасно облежавшей его изящную фигуру одежде он был особенно хорош.

Иусик в это время был занят в другом помещении, дверь в которое открывалась со стороны одевальни. В комнате этой находилась сокровищница князя. Здесь хранились его личные украшения, а также драгоценные украшения для лошадей. Иусик отобрал самую обыкновенную конскую сбрую, так как его господин отправлялся на охоту. Более роскошные предназначались для торжественных случаев.

Когда Самвел был уже одет, Иусик взял сбрую и отправился вместе с господином в княжескую конюшню.

Конюшня находилась вне замка, в особом помещении, по своей красоте скорее похожем на дворец. Там же помещалась княжеская псарня. Здесь содержались и охотничьи соколы разных пород. Когда князь вошел через большие ворота широкого квадратного двора конюшни, слуги заметили его издали и поспешили сообщить главному конюшему. Последний немедленно явился и, приблизившись к Самвелу, несколько раз отвесил низкий поклон.

²² «Дети солнца» – это преемники античных гелиополитов («граждан солнца») – членов организации рабов, боровшихся против Римской империи.

– Здравствуй, Завен, – приветствовал его князь.

Главный конюший снова молча поклонился.

Во двор уже вывели гнедого коня, покрытого красивой попоной, края которой были разукрашены разноцветными шерстяными кистями. Сильный конюх держал коня под уздцы, но беспокойный, горячий конь не переставал издеваться над ним: ржал, сопел, подымался на дыбы, точно хотел повергнуть в прах своего укротителя. Но конюх мощной рукой сдерживал буйное животное. Группа других конюхов, стоя вокруг, с живым интересом наблюдала за опасной борьбой. Старик Арбак несколько раз подходил к коню, и, поглаживая его красивую шею, наставительно говорил:

– Тише, Егник, будь умником.

Подошел Самвел и, поглядев на игру коня, обратился к Арбаку:

– Ты мне запретил садиться на белого, но Егник не слишком-то умней его.

– Это он от радости, – ответил старик и велел, чтобы коня немного поводили, успокоили, а затем оседлали.

Конюшня была разделена на несколько частей: в одной находились княжеские мулы, в другой – ослы, в третьей – обыкновенные лошади, в четвертой – породистые. Самвел в сопровождении главного конюшего отправился посмотреть на породистых коней. Они вдвоем вошли в конюшню. Это было длинное помещение, конец которого терялся вдали. У яслей стояли рядами на привязи кони: чистые, здоровые, один краше другого. Их было свыше сотни. Для острастки каждый из них был привязан двойными концами поводьев к железным толстым кольцам, прикрепленным с двух сторон к яслям. Кроме этой предосторожности, у наиболее игривых, беспокойных задние ноги были связаны цепями, хотя кони были отделены друг от друга крепкой деревянной перегородкой.

Проходя мимо, Самвел внимательно разглядывал животных. Ему всегда доставляло большое удовольствие бывать в этой богатой конюшне. Он знал клички всех коней, их происхождение, возраст и был знаком с нравом каждого из них. Главный конюший с особой охотой отвечал на замечания своего господина, выражавшие его глубокое удовлетворение. Самвел подходил к некоторым из коней, гладил их по голове. Это особенно радовало конюшего: так радуется заботливая мать, когда в ее присутствии ласкают ее красивых, бойких детей.

– Завен, пора уже начать выезжать лошадей, – сказал Самвел. – Возможно, они скоро понадобятся...

– Понимаю, мой тер, – ответил главный конюший. На его обросшем лице появилась добродушная улыбка. – Старый князь возвращается, и вы, вероятно, собираетесь его встречать?

– Да! И с большим отрядом...

– Я знал об этом и потому как раз с сегодняшнего дня велел начать выезжать лошадей. Отныне ежедневно будут выводить коней на несколько часов.

Выйдя из конюшни, Самвел увидел своего оседланного коня, сел на него и пустился в путь.

VIII. Охота

На своем красивом гнедом коне, с колчаном за спиной, луком на плече и с длинной пикой в руках Самвел ехал по той дороге, которая вела от замка Вогакан к Аштишатскому монастырю. Резвый конь играл, подскакивал, грыз удила, и губы его довольно быстро покрылись белой пеной. Но вскоре он затих, как будто угадав, что хозяину не до веселья. Прежде, когда ему случалось вместе с хозяином отправляться на охоту, он слышал от него много ласковых, бодрящих слов. Но сегодня тот почему-то молчал. Вот это-то и опечалило умное животное.

В убранстве коня не было недостатка в украшениях, недостатка, который мог бы его опечалить. Голова его была украшена розовыми хохолками, перехваченными серебряными застежками, похожими на колокольчики. На шее висел также серебряный ошейник, маленькие бубенчики которого при всяком движении головы приятно позвякивали. На груди красовалась шлея с нанизанным на ней разноцветным бисером и с треугольным талисманом. Он охранял коня от дурного глаза и от несчастного случая. Седло было обито барсовой шкурой, стремяна и луки – из серебра.

Две одномастных борзых с дорогими ошейниками бежали впереди всадника. За князем ехало двое оруженосцев; у каждого из них на руке было по соколу.

Оруженосцев также удивляло молчание князя. Занятый своими думами, он погонял коня, не обращая внимания на окружающее и не интересуясь разнообразной дичью, которая то и дело попадалась им на пути. Дорога тянулась через ущелье, по обе стороны его высились горы, покрытые густым лесом. Яркие лучи солнца не проникали через листву деревьев, ветви которых, переплетаясь друг с другом через дорогу, образовали живой зеленый свод. Иногда ущелье расступалось, и тогда взорам охотников открывались зеленые бархатистые луга, усеянные пестрыми цветами.

Как сладостно было раннее щебетанье птиц, как сладостен был нежный шелест листьев! Но еще приятнее было журчание горной реки, быстро сбегавшей между берегами, поросшими кустарником. От всего веяло радостью, все дышало жизнью и весельем, только сердце Самвела было полно горечи. Чем больше он думал о злых последствиях предстоявших бедствий, тем значительней они ему казались. «Кто знает? – думал он. – Быть может, скоро наступит день, когда покой этих прекрасных лесов будет нарушен бескрайним смятением, взамен благоухания этих красивых цветов повеет смертью и зеленые долины обогрятся братской кровью».

Казалось, и звери понимали, что Самвел для них сегодня не опасен: они смело, без боязни пробежали мимо него. Вот чуткая газель выскочила с быстротой молнии из приречных кустов, пересекла дорогу, скрылась за деревьями, в несколько прыжков очутилась на покрытой мхом скале и оттуда насмешливо поглядывала на князя. Борзые, заметив ее дерзость, вопросительно посмотрели на князя, но не получив поощрения, огорченные, продолжили свой легкий бег. Вот шумливая стая куропадок, быстрокрылых птиц, нарушила тишину. Она пронеслась близко, как сизая туча, и исчезла за соседними скалами. Соколы, спокойно сидевшие на руках оруженосцев, увидев этих красноклювых и краснотелых осмелевших птиц, взмахнули широкими острыми крыльями, и, готовые к преследованию, гневно рванулись. Но шелковые шнурки на ногах заставили их опуститься.

Солнце поднялось уже высоко. По лесу разливалась приятная теплота. Деревья, омытые накануне проливным дождем, ярко блестели чудесным нарядом своих листьев. Трава посвежела, еще больше отрос зеленый мох и мягким ковром покрывал обнаженные скалы.

Местные крестьянки обычно бывали очень недовольны лесным дождем: он смывал с листьев выделяющийся из них сахарный сок – эту манну небесную. Но на этот раз крестьяне успели заранее собрать сахар.

Тут и там среди деревьев мелькали маленькие шалаши, сплетенные из свежих ветвей. Из шалашей подымался дымок и облачками медленно рассеивался в воздухе. Девушки поселянки в красных рубашках, невесты в красных накидках весело сновали, как бабочки, вокруг огня. На костре кипел большой котел, наполненный сахаристыми листьями. Когда сахар растворялся, листья выбрасывали нектар, вода закипала, делаясь густой. Таким способом готовили растительный мед или иначе – руп. Наиболее нежные листья, на которых слой сахара был гуще, отбирались, их накладывали друг на друга и прессовали. Таким способом готовилось душистое и вкусное лакомство, называемое газпен. Эти дары природы являлись для крестьян приятной пищей, особенно зимой, в постные дни.

Самвел проехал мимо одного из шалашей. К нему подбежала, девочка-подросток. Если бы лесные нимфы оделись, как она, в красные рубашки, обвязались, как она, поясами с радужными цветами, и если бы, подобно девочке, свои длинные косы они заплели венками на голове, все же нимфы не были бы так прекрасны и привлекательны, как эта наивная девушка. Увидев ее, Самвел остановил коня. Девушка, зардевшись, подошла и, протянув руку, сказала:

– Пусть мой господин усладит свои уста.

Самвел взял у нее лепешку газпена, похожую на круглое печенье, и, откусив, спросил:

– Верно, твоего приготовления?

На лице девушки засияла нежная улыбка.

Самвел дал ей несколько серебряных монет.

– Вот тебе за то, что ты такая искусница и так хорошо готовишь газпен.

Девушка сначала отказывалась, но потом приняла деньги, и поклонившись, побежала к подругам.

Каждый путник, проходивший мимо шалашей, получал угощение: таков был обычай.

Самвел поделился полученным со своими оруженосцами.

Чем выше поднималось солнце, тем оживленнее становилась дорога. Все чаще встречались горожане, ехавшие верхом на лошадях и мулах; шинаканы²³ плелись пешком. Пешеходы, завидя князя, сторонились при его приближении и, смиренно склоняясь, ждали, пока он проедет. Самвел приветливо им кланялся и со многими ласково заговаривал, спрашивал о здоровье. Ехавшие верхом, спешившись, также отходили в сторону, покорно становились рядом со своими животными и кланялись князю, когда он подъезжал.

Самвел ненавидел этот обычай. Он еще издали делал знак рукой, чтобы люди не беспокоились. Но путники, невзирая на его запрещение, оказывали почет своему молодому князю.

Народ любил Самвела за его мягкость, за исключительную доброту и приветливость как по отношению к шинаканам, так и к горожанам. Его почитали. Обращение его не походило на жесткое высокомерие молодых людей из других нахарарских домов; для тех породистый конь, собака или сокол значили больше, чем простолюдин. Среди крестьян сложилось странное мнение о Самвеле: «Он точно бы и не князь – не бьет и не бранится».

Из ущелья дорога спускалась вниз по горному скату, и перед глазами Самвела открылась широко раскинувшаяся равнина Муша. Внизу, среди тенистых деревьев священной рощи, виднелись высокие купола Аштишатского монастыря. Невдалеке раскинулось местечко; оно называлось Аштишат и походило на маленький городок. Принадлежало оно Мамиконянам.

По дороге к Аштишату медленно шел какой-то человек с длинной косой на плече. Он пел песню, слов которой нельзя было разобрать, но звуки выражали глубину чувства. Он был так увлечен своим пением, что не расслышал лошадиного топота за собою. Самвел окликнул его:

– Малхас!

²³ Шинакан – селянин, поселянин. Общее название трудового крестьянского населения.

Крестьянин обернулся, увидел князя и, радостно подбежав к нему, ласково взял его лошадь под уздцы. Его плотная фигура и мужественное лицо говорили о здоровой, выносливой натуре.

– Ты мне нужен, Малхас, – сказал ему Самвел.

– Слуга ждет твоих приказаний, – отвечал тот.

– Не сейчас. Завтра вечером приходи в замок, прямо ко мне.

Крестьянин в знак согласия кивнул головой.

Самвел поехал дальше, а Малхас снова запел.

Так, выехавши под предлогом охоты из замка, Самвел хотя и не поймал дичи, но зато случайно встретил нужного ему человека.

IX. Аштишатский монастырь

Тарон – обитель веры и богопочитания! Тарон – родина армянских богов и богинь! Вот снова показалась величественная Арацани – священный армянский Ганг. Семьдесят лет тому назад здесь еще совершенно свободно паслись белые бычки, принесенные в дар храму богине Анаит. По берегам этой реки прогуливались посвященные армянской богине олени с золотыми ошейниками. На этих берегах восхищался ими римлянин Лукулл²⁴.

Река эта была теперь перед глазами Самвела. Он пересекал Карке. Красивые возвышенности этой горы исстари покрывали леса, посвященные языческим богам. Грустные мысли князя невольно обратились к прошлому, к недалекому прошлому. Здесь, в этих дремучих лесах, на этих чудесных высотах когда-то стояли Яштские храмы²⁵. Здесь приносились жертвы богам Армении. Перед мысленным взором Самвела встал храм Вахагна «Вишапакаха» – храм бога храбрости, наполненный сокровищами армянских царей. Рядом возвышалось другое святилище – «чертог Вахагна», где стояла вылитая из чистого золота статуя возлюбленной непобедимого витязя – богини Астхик. Здесь же был храм «златорожденной богоматери» Анаит, под покровительством которой некогда процветала во славе Армения.

Эти три храма с их огромными богатствами были местами языческих жертвоприношений – «*Яштскими местами*».

На новый год армян, в начале месяца Навасард²⁶, здесь происходило всенародное празднество, на котором присутствовали армянский царь, верховный жрец Армении и нахарары. Царь открывал великое торжество жертвоприношением – гекатомбой из белых волов с позолоченными рогами. Примеру его следовала вся знать.

Новый год приносил с собой и новую жизнь. Армении во время этого празднества надлежало показать своим богам плоды успехов прошлого года. Вахаги требовал от своего народа храбрости, Анаит – успеха в ремесле, Астхик – любви и поэзии.

Совершались соревнования в талантах и доблестях. Поэт пел сложенные им песни, музыкант играл на бамбирне²⁷, борец показывал силу своих мускулов, а мастер – произведения своего искусства.

Здесь происходили военные игры, поединки между смелыми борцами, бои с разъяренными быками и зверями. Здесь происходили ристания на лошадях, на колесницах, а также бега, в которых люди состязались с быстроногими оленями. Победитель получал один из тех розовых венков, которыми был украшен храм Астхик, и потому празднество это называлось *Вардавар*²⁸.

Новый год приносил с собой и новую жизнь. Старый год уходил. Надо было искупить старые грехи и очищенными вступить в новую жизнь: для этого совершалось общее омовение. Верховный жрец брал из волн Арацани святую воду и золотой кистью окроплял народ. Богомольцы, следуя его примеру, брызгали водою друг в друга.

²⁴ Лукулл, Луций Лициний (106 – 56 гг. до н. э.) – знаменитый полководец Римской империи, командовал римской армией в период войны с Митридатом Понтийским и Тиграном II, царем Армении.

²⁵ Яштские храмы – капища, где проводились жертвоприношения богу Солнца.

²⁶ Навасард – первый месяц года в древней Армении. Год имел 12 месяцев, а каждый месяц насчитывал 30 дней. За последним месяцем шло еще пять дней, дополнявших общий счет года – 365 дней.

²⁷ Бамбирн – музыкальный струнный инструмент, бывший в употреблении у древних армянских рапсодов, которые под его аккомпанемент пели свои песни.

²⁸ Вардавар – по-армянски «украшенный розами». В этот день обливали друг друга водой, дома украшали зеленью и цветами, преимущественно розами. После введения христианства этот праздник, посвященный богине Астхик, перешел в праздник Преображения.

Каждый из народа выпускал при этом белого голубя. Посвященные богине любви Астхик, чистые и непорочные, как невинные духи любви, голуби, порхая, окружали белый мраморный храм Астхик.

Жертва, вода и голубь – сколько в этом затаенного значения! Это символы мира, искупления и любви.

Каждый год, в месяце Навасард, в праздник Вардавара, языческая Армения совершала в «Яштских местах» на высотах Карке умилоствление богов кровью всенародного жертвоприношения. В начале каждого года Армения совершала это искупление, омываясь в священных водах Арацани. В начале каждого года Армения совершала и это таинство любви, посвящая храму Астхик голубей.

Но ведь обычай этот был очень древним, может быть старше начала самого времени.

Когда, по преданию, бог очистил потопами грешную землю, прародитель Ной²⁹ был первым после этого всемирного омовения, выпустившим с вершины Арарата голубя, благого вестника божественной любви. Это произошло в начале месяца Навасард. Выйдя из ковчега, у подножья той же горы патриарх принес первую жертву, – то была жертва умилоствления. Сын Ноя, хранитель его заветов Сим, спустившись с Арарата в Тарон и поселясь у подножья горы Сим, совершил такое же жертвоприношение.

Прошли века, века неисчислимые, но обычай этот свято соблюдался в Армении до появления голубя над водами Иордана. И христианская Армения, освятив языческий обряд, повторила те же священнодействия и в тот же день Вардавара.

Все это знал Самвел, и все это незабвенное прошлое вставало теперь в его памяти.

За семьдесят лет до того, как Самвел направлялся к Аштишатскому монастырю, два белых мула везли к Тарону закрытую колесницу. Ее окружали ехавшие на конях шесть знатных армянских князей: нахарары Аштенский, Арцруни, Андзеваци, Ангехский, Сюникский и Мокский. На колеснице заветным знаменем сиял серебряный крест. Впереди ехал просветитель Армении Григорий; лицо его было закрыто густой черной вуалью. Позади него – пять тысяч восемьдесят воинов, собранных шестью князьями. Христианское воинство, проникнутое священной отвагой, проходит по Тарону, наводя ужас на язычников. На колеснице – святые дары, вывезенные из Кесарии Просветителем.

Занималась заря. Колесница, переехав Арацани, приблизилась к высотам Карке и здесь остановилась. Ее появление вызвало страшное волнение в горах, нарушив вековой покой священной рощи. Старые боги армян возмутились, и жрецы разъяренной толпой выбежали из храмов. Под знаменами верховного жреца Ардзана, его сыновей Деметрия и Месакеса в продолжение часа собралось шесть тысяч девятьсот сорок шесть человек, жрецы и прислужники капищ. Завязалась кровавая битва – битва христианства с язычеством.

Из глубины священного леса, как муравьи из гигантского муравейника, двинулось языческое войско и заняло все проходы и высоты в горах. Верховный жрец Ардзан и один из его сыновей вооружились. Отец и сын, осыпая укорами и бранью армянских князей, восставших против своих богов, вызвали их на поединок. Вскоре язычники настолько оттеснили князей, что князь Мокский вынужден был укрыть Григория Просветителя в Вогаканском замке. Перед бегством Просветитель зарыл привезенные им из Кесарии дары в лесу, в глухом месте.

Битва продолжалась несколько дней, пока князья не получили подкрепления. Христианство восторжествовало: победа осталась за ним. Верховные жрецы Ардзан, его сыновья Месакес и Деметрий пали на поле битвы с мечом в руке, как герои. Пало тысяча тридцать восемь храбрых жрецов. Великолепные языческие храмы на вершинах Карке были разрушены.

²⁹ Легендарная история Армении считает армян прямыми потомками Ноя. Историк Мовсес Хоренаци рассказывает, что родоначальником древней Армении считался Гайк, правнук Иафета, сына Ноя. Он был исполин, полубог, обладал чудовищной силой. Поселился он у подножья Арарата, построил жилище, отдал его своему сыну Арменаку, а сам продолжал свой путь на северо-запад и там построил себе деревню, которую назвал Гайкашен.

Погибли прекрасные произведения армянского искусства и архитектуры. Огромные же сокровища капищ стали добычей армянских крестоносцев.

Золото, серебро и мрамор легко было уничтожить, но уничтожить в сердце народа чувства, с которыми он сроднился, уничтожить обожание, какое он питал к родным богам, было гораздо труднее. Эти чувства сохранились на много веков после сокрушения богов. Они устояли против огня и меча. Религия сменилась, но стародавние обычаи народа остались.

Были уничтожены те храмы, в которых всенародно в дни Навасарда праздновался Вардавар. Во времена язычества всенародные празднества устраивались семь раз в году; и на каждом празднестве присутствовали царь и верховный жрец.

Григорий Просветитель на месте капищ основал первый христианский престол – мать армянских церквей. Монастырь сохранил свое прежнее языческое название – Аштишат. Праздник Вардавара превратился в праздник преображения Иисуса Христа, но прежние обряды сохранились. Снова раз в году появлялся здесь армянский царь христианин со своими нахарарами и армянский первосвященник. Они открывали всенародные праздничные торжества Аштишата. Опять приносились жертвы, выпускались голуби, и народ окроплялся водою. Опять происходили те же игры, устраивались те же соревнования, раздавались те же награды, как это бывало в языческие времена. Венки из роз, венчавшие прежде храм Астхик, украшали теперь священный алтарь Аштишатского монастыря. И праздник этот, как и прежде, происходил в начале месяца Навасард и назывался праздником Вардавара.

Самвел все это знал. Он не раз участвовал в этих торжествах. Не раз случалось ему получать высокую награду во время игр и соревнований, не раз его за отвагу царь Армении награждал поцелуем в лоб.

Теперь предстояла новая война за веру. Как-то отнесется к этой войне народ, в котором еще живут старые исконные верования? Эта мысль волновала Самвела, когда он сошел с коня и перешагнул порог Аштишатского монастыря.

Х. Три молодых силы

Ночью, когда вся братия Аштишатского монастыря уже спала, трое молодых мужчин сидели в одной из келий на широкой тахте. Светильник горел на медном треножнике, и огонь, мерцая, тускло освещал их озабоченные лица.

Они молчали: каждый углубился в свои думы. Их лица показывали, что горячий спор только что был прерван, точно собеседники решили передохнуть, успокоиться, чтобы снова начать спор.

Один из них, высокий, крупного телосложения, своей величественной фигурой и красивым лицом олицетворял мужественность, здоровье и силу. Второй был скорее маленького роста и хрупкого сложения; на его тщедушное тело природа как будто по ошибке посадила прекрасную голову, – на статной фигуре она была бы больше на месте; в его пламенных глазах светилась неумная энергия.

Первый был Саак Партев, второй – Месроп Маштоц³⁰, третий Самвел.

Саак Партев был сыном могущественного первосвященника Армении Нерсеса Великого. В юности, окончив курс наук в Кесарии и изучив греческий и сирийский языки, он отправился в Константинополь и там завершил эллинистическое образование, изучив философию, музыку и ознакомившись с греческими поэтами. В Константинополе он женился. Вернувшись на родину, Саак, как и его отец в дни юности, поступил на военную службу, никак не полагая, что впоследствии ему придется унаследовать патриарший престол. С того времени как патриарший дом Армении оказался в свойстве с царским домом и с семьями крупных нахараров, дети патриархов получали вместе с духовным воспитанием и военное образование. Это было необходимо, так как первосвященник Армении являлся вместе с тем высоким должностным лицом в государстве. Он служил святому престолу, но в случае надобности вел войска на войну. С амвона он произносил проповеди, но в случае необходимости обсуждал с царями государственные вопросы.

Саак Партев, посетив Аштишатский монастырь по своим делам, случайно встретил там Самвела. Самвел знал, что Саак собирается проехать через Тарон, но не ожидал встретить его в этот день в Аштишатском монастыре. Два месяца тому назад Саак вместе с Месропом начал объезд своих вотчинных земель. Обширные владения, разбросанные в разных провинциях, простирались от Арарата до Тарона. Богатый патриарший дом имел больше поместий, сел и посадов, чем самое могущественное нахарарство.

Месроп, сын дворянина Вардана, был родом из местечка Хацик в Тароне. Местечко это находилось на расстоянии полудня ходьбы от Аштишатского монастыря. Месроп, бодрый, энергичный юноша, еще с детских лет стремился к науке. Он изучил греческий, сирийский и персидский языки и все науки, какие существовали в то время. Как дворянин, Месроп был обучен и военному делу. Поэтому, занимая должность составителя царских грамот при дворе в Вагаршапате, он вместе с тем исполнял и воинские обязанности. Однако вскоре он оставил дворец и стал секретарем Нерсеса Великого.

Помещение, смежное с кельей, в котором они сидели, напоминало Сааку о весьма печальных событиях из истории предков...

Пышную одежду Саака украшали драгоценности, какие носили тогда князья царского рода. Он восседал поджав ноги и положив себе на колени саблю в золотых ножнах, пристегнутую к золотому поясу. Рядом с ним сидел Самвел, напротив Месроп.

Самвел сообщил им прискорбные вести, полученные из Тизбона, рассказал о злодейских намерениях своего отца и Меружана. Об этом они и спорили: какими мерами предотвра-

³⁰ Месроп Маштоц – создатель армянского алфавита (в 392 г.), Саак Партев содействовал ему в этом.

тять надвигавшуюся опасность. Угроза, родине настолько волновала их молодые души, что они порой забывали необходимую меру приличий в отношении друг к другу.

Месроп первый нарушил молчание.

– Опасность чрезвычайно велика. Мы вкушаем теперь плоды прежних ошибок.

– Каких ошибок? – спросил Саак.

– Тех, что совершили твои великие предки Саак...

Невидный молодой человек произнес эти слова желчно, и они как стрелы вонзились в сердце величавого Партева. Кровь предков – первосвященников и царей – вскипела в нем; большие глаза зажглись гневом. Он сделал угрожающее движение. Месроп в свою очередь схватился за серебряный пояс, на котором висел короткий меч.

Но Сааку удалось подавить свое волнение. Гневно прозвучал его громовой голос:

– Не в том ли видишь ты ошибки моих предков, Месроп, что они вырвали из болота язычества нашу варварскую Армению и озарили ее светом христианства?

– Нет, Саак, вина их не в этом, – с оскорбляющей мягкостью ответил Месроп, – но скажи мне: разве свет, которым они просветили Армению, проник дальше монастырских стен? Разве он проник в убогие хижины шинаканов? Да и мог ли он туда проникнуть? Прошло уже почти столетие, как свет христианства проник в Армению. Однако и до сих пор в наших церквах Библию читают по-гречески и по-сирийски, до сих пор в храме молятся на чужом языке. Разве шинаканы, горожане и вообще армяне понимают эти языки? А при таком положении дела, каким светом могла просветить, какое нравственное или умственное направление могла дать церковь народу, когда он видит лишь обряды и слышит какие-то непонятные слова.

– И ты полагаешь, Месроп, что народу от этого мало пользы?

– Польза – нам, но не народу. Тебе, мне и вот этому скромному юноше, который молчит. – Он указал рукой на Самвела. – Мы все питомцы греческой или сирийской культуры, питомцы византийства, которое разлагает и убивает наше национальное чувство. Что представляет собой наш несчастный народ? Он утратил старое, но ничего не приобрел взамен.

– Нет, много приобрел. Месроп.

– Ровно ничего, Саак. Ты забыл, как некогда Вртанес Святой, твой дед, в этом самом монастыре Аштишата служил обедню и как внезапно двухтысячная толпа окружила монастырь и хотела закидать его камнями?.. От ярости черни его защитили только крепкие стены храма. Ты забыл, Саак, что когда твои предки, Пап и Атанагинес, пировали однажды здесь, в Аштишате, к ним, как злой дух, влетел с мечом в руке какой-то человек и уложил их обоих на месте. Много месяцев их трупы валялись без погребения, и никто не смел приблизиться к ним в страхе перед чернью. Вот тут, рядом с нами, совершилось это злодеяние.

Он указал на смежное помещение, приемную монастырского епископа, и продолжал:

– После этого печального события прошло всего тридцать лет. Что же изменилось? Народ остался таким же варварским, как и был.

– Нельзя за тридцать лет искоренить в народе то, что сложилось в течение многих и многих веков, – ответил Саак.

– Да, нельзя... Но это не возражение. Дело народного просвещения у нас основано на ложных и, я позволю себе сказать, на совершенно вредных началах.

Заметив, что спор снова обостряется, Самвел вмешался и сказал:

– Какой толк от ваших пререканий, Месроп? Что было, то прошло. Теперь надо думать о настоящем, – о том, как предотвратить грозящую нам беду.

На бледном лице Месропа появилась горькая улыбка. Он посмотрел на Самвела, как на ребенка, и ласково сказал:

– Не торопись, милый Самвел. Тяжелое положение в настоящем вытекает из прошлого. Не разобрав причины старых бед, мы не сумеем предотвратить новые, угрожающие смертью нашей родине. Я знаю, что твой отец не глуп, и дядю твоего, Меружана Арцруни, тоже нельзя

назвать безумцем. Я уверен также и в том, что царь Шапух, обласкавший этих двух предателей, не отличается особым благочестием. Он посылает твоего отца и дядю, чтобы они уничтожили христианство в Армении и отдали в руки персидских магов наши церкви и школы. Ты можешь не сомневаться, милый Самвел, что Шапух предпринял этот поход не ради спасения души и не в угоду своим богам; просто-напросто он желает раз навсегда разрешить тот *трудный политический вопрос*, который очень его беспокоит...

Самвел задрожал всем телом; он почти не расслышал последних слов. Над ним смеялись, его отца называли предателем! И это позволял себе делать тот, кто подушкой и почестью³¹ был неизмеримо ниже его. Он воскликнул с огорчением:

– Тебе, Месроп, надо укоротить язык, у тебя он не по росту длинный. Будь благовоспитаннее.

Месроп вскочил с места и прошелся несколько раз по келье. Затем остановился перед князем Мамиконяном и спокойно сказал:

– Напрасно обижаешься, мой славный Самвел. Дядя твой Васак был тоже невелик ростом, однако в нравственном отношении он оказался намного выше твоего исполина отца.

– Грехи отца искупит сын...

– О! Тогда я тебя полюблю еще сильнее!

– Оставьте все это. Теперь не до шуток и упреков! – прогремел Саак. – Садись, Месроп.

«Шапух желает раз навсегда разрешить тот *трудный политический вопрос*, который очень его беспокоит»...

Чтобы лучше понять эти слова Месропа, надо вспомнить, какой участи подвергалась Армения в продолжение ста с лишним лет, начиная с царя Трдата и кончая последними днями Аршака II, то есть со времени распространения христианства и до религиозных гонений, начатых Шапухом.

До введения христианства в Армении армяне и персы жили относительно в мире, потому что в религии у них было много общего, и, кроме того, царствовавшие династии в Армении и Персии происходили из одного и того же Парфянского или Аршакидского рода. Армянские и персидские цари находились в братских отношениях.

Однако после введения христианства как на востоке, так и на западе произошли крупные перемены, совершенно изменившие политическое положение Армении. На западе образовалась Византийская империя со столицей Константинополем, на востоке – государство Сасанидов со столицей Тизбон. Царство персидских Аршакидов пало, армяне лишились своих союзников.

Армения оказалась яблоком раздора между двумя постоянно враждовавшими государствами. Она не обладала достаточной силой для того, чтобы сохранить независимое положение, ей приходилось склоняться то в одну, то в другую сторону.

Как Византия, так и Персия, каждая в отдельности, старались привлечь Армению на свою сторону, потому что Армения являлась тем мостом, по которому должны были проходить силы Византии и Персии во время их военных столкновений. Столкновениям же и войнам между ними не было конца. При этом победа всегда доставалась тому государству, на стороне которого выступала Армения.

Христианство отдалило армян от персов и сблизило их с вероломными византийцами. Это породило вражду между персами и армянами. Армения находилась между двух огней и воспламенялась от приближения к каждому из них.

³¹ Во время церемоний в царском дворце нахарары занимали места по старшинству рода и по своим заслугам; около царя, по древнему армянскому обычаю, сидели на подушках в порядке старшинства. Это называлось «получить подушку и почесть от царя». Обычай этот сходен с местничеством в древней Руси.

Всем этим объяснялась та двуличная роль, какую играли армянские цари и в результате которой в первую очередь страдали они сами. В зависимости от обстоятельств, они переходили то на сторону Византии, то на сторону Персии. Когда они поворачивались, лицом к Византии, сзади их была Персия, и наоборот.

Трдат был первым христианским царем в Армении, заключивший дружеский союз с первым римским христианским императором Константином. Жертвою этой политической сделки стали все преемники Трдата, да и сам он пал от руки персов.

Сын его, Хосров II, приняв от Константина корону и порфиру, страшно разгневал персидского царя Шапуха, который послал своего брата Нерсеха, чтобы покорить армянское царство и воцариться там.

Сын Хосрова, Тиран, за помощь, оказанную, императору Юлиану в войне против персов, был завлечен, обманом в Персию царем Шапухом. Шапух велел выколоть ему глаза.

Сын Тирана, Аршак II, наученный ошибками своих предшественников, отрекся от Византии и заключил дружеский союз с тизбонским двором. Тогда император Валент приказал убить брата Аршака Трдата, который был оставлен заложником в Константинополе.

Аршак вынужден был заключить мир с Валентом и взять себе в жены его родственницу, Олимпиаду. Эта дружба возмутила Шапуха. Он разрушил Тигранакерт, захватил крепость Ани, разграбил казну и, разрыв могилы царей из рода Аршакидов, увез в плен их кости. После многих сражений, то побеждая, то терпя поражение от армян, Шапух, под предлогом заключения мирного договора, обманом завлек царя Аршака в Тизбон и заключил его в крепость Ануш.

– Я считаю поступок Шапуха бесчестным, но он умеет соблюдать выгоды своего государства, – говорил Месроп. – Этот долго царствовавший царь Персии имел дело с четырьмя армянскими царями: Трдатом, Хосровом, Тираном, Аршаком. Почти семидесятилетний опыт убедил его в том, что основным звеном дружбы армян с константинопольскими императорами является прежде всего христианская религия и затем византийская культура. Поэтому теперь он стремится порвать эту связь, уничтожить религию и господствующие в наших церквах, монастырях и школах греческий язык и греческую письменность. Для слияния Армении и Персии в единое целое он хочет распространить у нас свою религию, свой язык и свое обучение. С этой целью он поручил Меружану уничтожить греческие книги, запретить изучение греческого языка и насильно обучать армян персидскому языку. Для нашего просвещения Меружан ведет за собой целый караван магов.

– Все это мы знаем, Месроп, – прервал Саак. – Напрасно тратишь время.

– Но нам следует знать и то, что все эти беды не произошли бы с нами, если бы мы не страдали большим влечением ко всему иноземному и если бы мы не подражали ни грекам, ни персам. Следуя одним, мы открыли глаза другим, и те тоже стали настаивать на своем. Наша самая большая ошибка состояла в том, что основу нашей культуры мы заложили на чужой земле. Персы отнеслись бы терпимо, если бы мы совершали наши культовые обряды на родном языке, и на этом же языке обучали детей в школах. Но они терпеть не могут все византийское, потому что оно вредит их политическим интересам.

Он остановился и после минутной передышки продолжал:

– Нашими учителями были греки и сирийцы. Христианство привлекало в нашу страну множество греческих, и сирийских духовных лиц. Эти предтечи византийской цивилизации распространили свой язык и свою письменность в наших церквах и школах. Так продолжается по сей день. До сих пор у нас еще нет перевода священных книг. Нет изложенных на родном языке молитв и шараканов³². Мы отреклись от всего старого языческого. Произведения

³² Шараканы – духовные песнопения армянской церкви.

наших певцов и випасанов³³ мы предали огню. Мы покинули наше исконное, наше родное и возлюбили все чужое. В своем христианском фанатизме мы дошли до того, что отвергли как нечто кощунственное нашу древнюю литературу, нашу языческую священную письменность и приняли греческие и сирийские письмена. И немудрено, что у нас не оказалось достаточно сил для создания своей собственной, национальной культуры, своей литературы. С другой стороны, мы навлекли на себя ненависть персов. Они стали думать: если, изучая греческий язык и греческую литературу, армяне полюбили их и духовно связались с Византией, то отчего бы и нам не ввести свой язык и свою литературу, чтобы армяне полюбили нас и были с нами в союзе. Теперь, мне кажется, ясно, что действия Шапуха продиктованы отнюдь не религиозными соображениями, а преследуют исключительно *политическую цель*. Армения – крепкий барьер между Персией и Византийской империей, Шапух стремился снести этот барьер, чтобы расчистить себе дорогу, – уничтожить его молотом своей цивилизации. Армения, как крепкая кость, застряла у него в горле, – он пытается разжевать, раскрошить ее и проглотить, чтобы свободно дышать...

– Но удастся ли ему переварить эту кость? – прервал его Самвел.

– Он сможет это сделать, если нынешнее положение не изменится, – гневно сказал Партев. – Но оставим все это. Я хочу ответить на некоторые тяжелые обвинения Месропа, которые он возложил на моих предков.

Он повернулся к Месропу, тоскливо ожидавшему его ответа.

– Я хвалю тебя за благоразумие, хвалю и за серьезность. Но не могу простить тебе клеветы. Избыток твоей энергии заставляет тебя говорить недопустимые вещи. Ты обвиняешь моих предков в том, что они беспощадно разрушили, уничтожили старое, заветное, чтобы взамен утвердить новое. Это верно. Но ведь таково начало всякого перелома. И разве наш господь Иисус Христос поступил иначе? Ведь и он не оставил камня на камне. Моего прадеда Григория Просветителя ты обвиняешь в том, что он заполнил Армению греческими и сирийскими монахами. Но ведь иначе и не могло быть. Ему нужны были подготовленные люди, и он привел их с собой из Кесарии. Мастер, собираясь возвести здание, ищет нужных работников за пределами своего края, если нет надежды найти их на месте. Но прадед мой не передавал этим чужеземцам права на духовное и умственное воспитание армян. То были временные наемные люди, которых приходилось терпеть, пока в Армении появятся новые силы из местных людей. С этой целью мой дед и основал множество школ, в которых даже дети жрецов должны были получить христианское образование. Если эти школы не дали нам желаемого результата и чужестранцы остались надолго в нашей стране, то винить в этом надо те злосчастные обстоятельства, жертвами которых сделались все мои предки. У них не было времени полностью осуществить дело просвещения армян. Мой дед, как Моисей, вынужден был бежать от ярости народа и последние годы своей жизни провел в неизвестности, скрываясь в пещерах горы Сепух. О его сыне Вртанесе ты сам рассказал, как его хотели зверски убить здесь, в храме. Другой же его сын убит в провинции Цопк князем Архелаем. Аристакес остался монахом и не имел наследников, но один из сыновей его брата Вртанеса, Григорис, мученически умер за веру на равнине Ватнян; другой, Иусик, убит твоим тестем, царем Тираном. Два сына Иусика – Пап и Атанагинес – пали от руки убийцы в соседнем зале. Сын Атанагинеса Нерсес, мой отец, в настоящее время сослан на необитаемый остров Патмос. Как видишь, Месроп, ни один из моих предков не умер естественной смертью, – все они пали жертвами вероломства наших царей, нахараров или свирепости черни. Меч не дал им возможности совершить их великие замыслы, предназначенные для своей родины. Всю жизнь они провели в борьбе с закоределым суеверием и погибли в этой борьбе. Но меня это не печалит, – смерть их была нужна, чтобы на их крови взошли и зацвели святые семена, посеянные в родную землю.

³³ Випасаны – в древней Армении народные певцы, авторы эпоса исторического содержания.

Месроп слушал его не прерывая; но бледное лицо Самвела выражало сильное волнение.

Славный сын великого первосвященника так закончил свои печальные объяснения:

– Если воля всевышнего когда-нибудь призовет меня, подобно моим предкам, на патриарший престол, моей первой заботой будет перевести на армянский язык священное писание и поставить воспитание армянского народа на подлинно национальной основе...

– А моей задачей будет, – добавил Месроп, – восстановить забытый армянский алфавит и освободить наш народ от чуждой нам персидской, греческой и сирийской письменности.

Кто бы мог думать, что через двадцать три года после этого горячего ночного спора эти два гениальных человека исполнят свою клятву и положат начало «золотому веку» армянского просвещения.

Дверь тихо приоткрылась; в келью вошли два монаха и одновременно сказали:

– Мы все слышали. И мы решили доказать, что греки и сирийцы не так уж плохи, как вы думаете...

Оба монаха были из числа монастырской братии. Один был грек, другой сириец. Первого звали Елифан, а другого – Шалитан.

XI. Мачеха

На следующий день в замке Вогакан царило большое оживление. Слуги оделись наряднее обычного; служанки нацепили на себя цветные украшения, и даже евнух Багос облекся в пестрый балахон.

В замке ждали почетного гостя – Саака Партева.

Саак Партев не был чужим этому дому. Мамиконяны доводились ему дядьями. Его отец, Нерсес Великий, был зятем Мамиконянов. Мать Саака – Сандухт, была дочерью Вардана Мамиконяна, дяди Самвела. Отправляясь учиться в Кесарию, Нерсес взял с собой туда жену Сандухт. Там и родился Саак. Спустя три года Сандухт скончалась. Отец ее, Вардан, привез тело Сандухт в Армению и похоронил в семейной усыпальнице патриаршего дома, в местечке Тил. Потеряв любимую жену, Нерсес недолго оставался в Кесарии. Он отправился в Константинополь для завершения своего образования и там снова женился на дочери греческого вельможи, которую звали Аспионэ.

Самвел рано утром вернулся из Аштишатского монастыря и немедленно известил мать о предстоящем прибытии в замок Саака. Известие это хотя и смутило княгиню, но, скрыв свое недовольство, она приказала приготовиться к приему гостя. Она терпеть не могла весь патриарший род, а Саака в особенности: его высокая знатность колола ей глаза. А на этот раз приезд сына великого армянского первосвященника был особенно некстати, так как в доме Мамиконянов горячо готовились к тайному антиармянскому и антихристианскому заговору.

До обеда оставалось несколько часов.

Зал княгини был разукрашен. Со стальных ниш и ларей сняли шелковые покрывала, чтобы можно было видеть расставленную в них драгоценную утварь. Золото, серебро и медь сверкали во всей красе и роскоши. Изящной работы блюда, тарелки, всевозможные кубки, чаши, пиалы, тонко разрисованные красные и черные кувшины из местной глины – все эти предметы роскоши служили только украшением, и ими никогда не пользовались.

Зал благоухал ароматом роз. Все сиденья, ковры, подушки – все было опрыскано розовой водой. На окнах в громадных вазах стояли букеты свежих цветов.

Княгиня сидела в своем обычном мягком кресле и в раскрытое окно смотрела в раскинувшуюся перед ее взором широкую даль. Отсюда была видна часть скрытой деревьями дороги, ведущей от монастыря Аштишата к замку. Беспоконный взгляд княгини был устремлен именно на дорогу. Она с глубоким волнением ожидала прибытия Саака. Но, вместе с тем, она мечтала о том счастливом дне, когда на этой же дороге покажется ее милый супруг и принесет с собой новое счастье и блеск нового величия.

Возле княгини сидела женщина, которая была гораздо моложе и привлекательнее своей соседки. Невинность и покорность выражало ее лицо, ее розовые губки. Большие черные глаза светились кротостью и бесконечной добротой. На ее лбу сверкал персидский царский знак – полудиск солнца с золотыми лучами. И верно: она была из рода персидских царей – сестра могучего Шапуха, Вормиздухт.

Это была вторая жена Вагана Мамиконяна и мачеха Самвела.

Эта красивая женщина пленила сердце Вагана; она связала отца Самвела и с персидским двором и с персидской верой. И, наконец, Шапук через эту женщину приобрел из нахарарского рода Мамиконянов верного соучастника...

Многоженство в то время было обычным явлением среди нахараров. Имея законную жену, они кроме того, держали и наложниц.

Вормиздухт стала женою Вагана в то время, когда Нерсес Великий, после несчастной гибели Аршакавана³⁴, помирил царя Аршака с его нахарарами. Но Ваган Мамиконян и Меружан Арцруни не примирились с царем и, отделившись от нахараров, отправились в Тизбон и перешли на сторону персидского царя Шапуха.

Сегодня две хозяйки одной семьи сидели вместе на диване. Вормиздухт – мачеха Самвела, и Тачатуи – его родная мать. То были две непримиримые соперницы, две ревнивые жены, разделявшие любовь общего супруга, две соперницы по знатности происхождения. По обычаям того времени, мать Самвела должна была во всем смиренно уступать царской дочери: мать Самвела была всего только сестрой Меружана Арцруни, а Вормиздухт – сестрой персидского царя. Но обстоятельства сложились так, что все вышло как раз наоборот: мать Самвела, жестокосердная и надменная Арцруни, пользуясь мягким и податливым характером Вормиздухт, не только удержала за собой славу и честь «госпожи над господами», но даже сумела подчинить Вормиздухт своему влиянию. Вот почему и сегодня присутствие Вормиздухт почти не было заметно для матери Самвела.

Она продолжала смотреть в окно, на аштишатскую дорогу, не обращая никакого внимания, на Вормиздухт.

Неожиданное появление Саака в Тароне вызвало у нее всевозможные предположения.

«Зачем едет он сюда?.. – размышляла она. – Осматривать свои владения? Что это значит? Этим счастливым досталось без меча и без крови столь много земель, что они даже не помнят, где находятся эти владения, и никогда их не посещают. Несомненно, его прибытие имеет какую-то скрытую цель!»

Вормиздухт уже начинала томиться. Несколько минут ее занимала веселая ласточка, которая, вспорхнув в открытое окно, щебеча покружилась по обширной зале и затем опустилась на голову большого медного бюста, стоявшего на мраморной поставке. Это был бюст Мамгуна, родоначальника Мамиконянов. С большим любопытством ласточка разглядывала окружающую роскошь и остановила взгляд на двух женщинах, сидевших в раздумье. Неудовлетворенная, она вспорхнула, снова покружилась по зале и с веселым щебетаньем вылетела в окно.

Сегодня Вормиздухт была приглашена в гости к матери Самвела. Она жила в отдельном дворце. Толпа ее служанок, евнухов и рабов составляла четвертую часть всего населения замка. Все они были персы. Отправляя ее в Армению, брат дал ей, кроме богатого приданого, и целый отряд слуг. В приданое получила она доходные поместья, расположенные по правому берегу Тигра, села и поселки у границ Ассирии.

Чтобы рассеять скуку, молодая женщина порой брала лежавшее около нее пышное опахало из павлиньих перьев с ручкой из слоновой кости, обмахивала им свое разгоряченное лицо. В такие моменты браслеты из красного коралла на ее обнаженных руках приятно постукивали. Тачатуи все еще продолжала смотреть в окно, Вормиздухт, чтобы напомнить о своем присутствии, спросила:

– Саак едет сюда один?

– Нет, с ним Месроп, секретарь его отца, – ответила княгиня, оборачиваясь к своей забытой гостье.

– Я Месропа никогда не видела, – сказала Вормиздухт.

– Скоро увидишь: красивый, изящный молодой человек.

Последние слова Тачатуи произнесла особо отмечая. Вормиздухт вспыхнула.

Разговаривали по-персидски.

– Саак тоже красивый молодой человек, – заметила она.

– Он даже красивее Месропа, – добавила Тачатуи с горькой усмешкой.

³⁴ Аршакаван – город, основанный царем Аршаком и разгромленный нахарарами.

Вошел Самвел.

– Здравствуй Вормиздухт, здравствуй мать моя, – сказал он и приветливо поцеловал сначала руку матери, а затем Вормиздухт.

Появление Самвела рассеяло тоску Вормиздухт, и ее красивое лицо заметно оживилось.

– Ну, что же, где «твои» гости? – спросила мать с особой интонацией.

Самвел подошел к окну и взглянул на каменные солнечные часы, вделанные рядом с башней.

– Опоздали немного, должны скоро приехать. Теперь я вижу, – сказал он, меня разговор, – как ты любишь Саака.

– Что же ты видишь? – с тайной досадой спросила мать.

– Вижу, как ты разукрасила зал и как нетерпелива из-за того, что Саак опоздал.

Княгиня засмеялась.

– Знаешь ли, Самвел, скоро к нам пожалуют и другие гости... Отчего ты не сядешь?

Самвел сел напротив Вормиздухт и матери.

– Какие же это гости? – спросил он.

– И ты еще спрашиваешь, Самвел! – упрекнула его мать, точно хотела сделать ему выговор за забывчивость. – Ты же знаешь, вместе с твоим отцом придут именитые персидские полководцы: князя Зик и Карен. Нет сомнения, что, проезжая через Тарон, они погостят и у нас в замке.

– Я это знаю, – ответил Самвел и, взяв опахало у мачехи, стал вертеть его в руках. – Но мне кажется, что ты их преждевременно ждешь... Персидские полководцы придут не так скоро. До их вступления в пределы Тарона мы еще успеем подобающим образом подготовиться к встрече этих высокочтимых гостей...

Не догадываясь об истинном смысле слов сына, княгиня ответила:

– Конечно, у нас достаточно времени, чтобы приготовиться к встрече гостей. Но ты не знаешь, как бестолковы наши слуги. Сколько им ни приказывай, они все равно забудут, куда что поставить, что откуда взять. Мне всякий раз бывает стыдно, когда я принимаю какого-нибудь именитого человека.

– Но Саак нам не чужой, матушка, он не взыщет.

– Опять ты про Саака, – раздраженно перебила мать. – Я не о нем думаю.

– Да! Забыл... Полководцы Зик и Карен...

– Знаешь ли ты, Самвел, кто такие Зик и Карен и какое внимание им оказывают при дворе Шапуха?

Услышав эти часто повторяемые имена, Вормиздухт по наивности вмешалась в разговор.

– Они просто прислужники моего брата. В моем присутствии они не осмелятся даже сесть.

Самвел признательно взглянул на мачеху.

– Верно, милая Вормиздухт, – сказал он. – Однако, когда низшие слуги персидского двора приезжают к нам, мы не только усаживаем их на самые почетные подушки, но даже сажаем себе на голову...

Слова эти не обидели Вормиздухт, но задели княгиню. Она сердито посмотрела сперва на сына, затем на Вормиздухт.

– Тебя, по-видимому, вовсе не огорчают мои жалобы на бестолковость наших слуг, – сказала она раздраженно. – Сегодня утром я прогнала четырех. Представь себе, мне с большим трудом удалось раздобыть соловья. Я подробно объяснила, где повесить клетку и чем кормить птицу. И что же? Вхожу сегодня в зал и вижу – соловей лежит мертвый. Оказывается, вместо того, чтобы повесить клетку, ее поставили на окно; кошка просунула лапу и задушила несчастную птичку!

– Какое безобразие! – воскликнул Самвел, сочувственно качая головой. – Из-за этого, конечно, стоило прогнать не только четырех, но и всех слуг. А кошку ты наказала?

– Твои насмешки неприличны, Самвел, – заметила мать. – Ты обижаешь Вормиздухт.

Самвел обратился к мачехе:

– Ты очень обижена на меня?

Она, улыбаясь, посмотрела на него из-под длинных ресниц.

– Нисколько! В ваших лесах соловьев сколько угодно!

– Но такие, что поют по целым дням, встречаются очень редко, – сердито заметила Тачатуи. – Ты даже не понимаешь, Вормиздухт, обычаев своей религии и насмешки Самвела тебя не оскорбляют... Это не похвально!..

Вормиздухт покраснела.

О чем же шла речь? Дело в том, что мать Самвела не обладала таким утонченным вкусом, чтобы любить пение соловья. Тут в некоторой мере затронута была религия. В соловье, по верованиям персов, жил добрый дух, и каждый почитатель Зороастра³⁵ считал своим долгом держать у себя в доме соловья, пение которого считалось ежедневным благословением и приносило счастье. Мать Самвела, поместив у себя в доме священную птицу персов, хотела этим показать свои симпатии к персидским верованиям. Это было необходимо, так как она надеялась в скором времени принять у себя в доме полководцев Зика и Карена.

Самвел опять обратился к мачехе:

– А как ты, Вормиздухт, готовишься к приему?

– Никак, – ответила она простодушно.

Она не знала о последних известиях из Тизбона: мать Самвела еще ничего ей не сообщила. Самвел решил проверить, какое впечатление произведут на Вормиздухт эти вести.

– Ты тоже должна готовиться, – сказал Самвел. – Могу тебе сообщить, что тебя ждет очень и очень приятная новость.

Лицо Вормиздухт заранее просияло от радости. Княгиня глазами делала сыну знаки, чтобы он молчал, но Самвел продолжал, будто ничего не замечая:

– Царь Шапух, твой брат, выдал твою младшую сестру за Меружана Арцруни. Они уже выехали из Тизбона вместе с моим отцом и едут в Армению.

– Вот хорошо! – с ликованием воскликнула Вормиздухт, схватив Самвела за руку. – Значит, я скоро увижу сестру?... Значит, они скоро будут здесь?

– Да, конечно, увидишь свою сестру... и своего нового зятя... Возможно, они скоро будут здесь, – повторил Самвел, не отнимая у возбужденной Вормиздухт своей руки. – И еще одна радостная новость...

– К чему ты ей все это рассказываешь, одумайся, Самвел! – сказала княгиня по-армянски, так как Вормиздухт не знала армянского языка.

– А почему же не рассказать? Разве она не должна знать, что ее супруг и вместе с тем твой супруг и мой отец скоро прибудет? Почему ей не сказать, что ее сестра выходит замуж за Меружана? Зачем делать из этого тайну? – сказал Самвел возмущенно.

– А потому, что она не умнее малого ребенка. То, что она узнает, через минуту станет известно всему замку.

– Ты к ней несправедлива! Правда, у Вормиздухт сердце невинного младенца, но ум толковой женщины.

Хотя Вормиздухт и не понимала этого спора, но все же догадалась, что между матерью и сыном произошла размолвка, и потому сочла нужным вмешаться.

– Не огорчай свою мать, Самвел!

³⁵ Зороастризм (или маздеизм) – религия древней Персии, получившая название по имени ее создателя Заратуштры (Зороастра). В основе ее лежит дуализм – вера в бога добра и зла.

Затем, обратившись к Тачатуи, она спросила:

– Разве ты не рада, что моя сестра выходит замуж за твоего брата?

– Как не рада? – смягчая голос, ответила княгиня, – радость моя безгранична. Не всякому выпадает счастье стать зятем могучего персидского царя.

– Значит, надо благодарить Самвела за то, что он советует мне подготовиться к этой встрече. Я должна оказать царские почести и моей сестре и новому зятю моего брата. Ах, как радостен будет день их прибытия сюда!

При этих словах очаровательное лицо ее стало еще привлекательнее. Но мать Самвела была недовольна: она боялась, как бы сын не зашел слишком далеко в своей откровенности перед Вормиздухт, которую она считала неопытной и неосторожной женщиной.

Все сестры царя Шапуха носили имя Вормиздухт. Как среди древних армян, так и у персов существовал обычай: имена, данные дочерям при рождении, обычно не употреблялись; дочерей звали по имени отца. Отец царя Шапуха был Вормизд, и все его дочери носили имя Вормиздухт, что означает дочь Вормизда.

Дочь армянского царя Санатрука именовалась Сандухт, дочь героя Вардана Мамиконяна – Варданухт, дочь первосвященника Саака Партева – Саакануйш, дочь Смбата Багратуни – Смбатуи.

Точно так же обе сестры Шапуха, одна из которых была выдана замуж за отца Самвела, Вагана Мамиконяна, а другая за Меружана Арцруни, звались по имени своего отца Вормизда – Вормиздухт.

С целью если не поглотить целиком, то, по крайней мере, подчинить себе Армению, персидский двор придерживался той же политики, что и Византия. Император Валент для привлечения Армении на свою сторону выдал Олимпиаду, свою родственницу, замуж за армянского царя Аршака. Наперекор ему царь Шапух решил выдать замуж двух своих сестер за знатных нахараров царя Аршака – Меружана Арцруни и Вагана Мамиконяна, а затем склонить их на восстание против своего царя.

Наследственным владением рода Арцруни являлся обширный Васпуракан, а нахарарской областью Мамиконянов – Тарон. Васпуракан примыкал к персидским границам со стороны Атропатены, а Тарон – со стороны Ассирии. Замужество двух сестер Шапуха открывало широкие возможности для вступления в Армению через эти две области.

– И еще одна приятная новость, Вормиздухт, – продолжал Самвел, не обращая внимания на недовольство матери: – твоя сестра скоро станет царицей Армении.

– Ах! Что ты говоришь! – воскликнула Вормиздухт и от радости настолько забылась, что вспорхнула, как невинная бабочка, бросилась на шею Самвела и долго не выпускала его из своих объятий, все спрашивая: – Это верно? Верно? Ты не шутишь Самвел?

– Нет, не шучу! Истинная правда!.. Твой брат обещал Меружану армянское царство! – ответил Самвел, высвободившись из ее объятий.

– Ах, как это будет хорошо! – сказала Вормиздухт, хлопая в ладоши. Усевшись на место, она обратилась к матери Самвела:

– Разве это не хорошо?

– Конечно, хорошо, – ответила та, вполне разделяя ее ликование.

Самвел встал, несколько раз прошелся по залу и затем, остановившись перед Вормиздухт, сказал:

– Все это очень хорошо, Вормиздухт, но ты еще не знаешь, что Меружану, прежде чем сесть на царский престол, придется совершить немало дел...

– Каких же именно? – с любопытством спросила Вормиздухт.

– Я тебе все расскажу...

Мать снова, сделала знак сыну, чтобы тот замолчал.

– Она должна знать, от этого зависит в будущем успех дела! – сказал Самвел по-армянски. – Почему ты мне запрещаешь?

Он подошел к одному из окон и остановился. Несколько минут он молча смотрел с этой страшной высоты на расстилавшиеся перед ним окрестности. Внизу в глубокой пропасти неистово шумела Арацани. Сжатая теснинами Вахеваханской долины, река, как рассерженный чудовищный змей, извиваясь, билась о скалистое подножье замка. За рекой, на высокой скале, высились развалины древнего города. По преданию, этот город, выстроенный царем Санатруком, был столицей прежних владетелей Тарона – князей Слкуни, и был разрушен предком Мамиконянов – Мамгуном. Величественные развалины этого таинственного города покрылись лесами, а из щелей разрушенных башен выросли вековые дубы. Некогда огонь произвел здесь страшное опустошение, и по этой причине город назывался Мцурк³⁶. Самвел смотрел на это превращенное в пепел величие, на эту угасшую славу... Он отвел глаза от столь печального зрелища и стал вглядываться вдаль. Вот Аветиац, а на склонах этой священной возвышенности красивая роща, где скрывался славный Глакский монастырь. Еще не умерло предание о хромом демоне, который потайными подземными ходами выносил пепел из монастырских печей и бросал в волны Арацани.³⁷

В Глакском монастыре погребены все предки Самвела. И мерещится ему, что из заветных могил поднимаются мрачные приведения великих покойников и обращают свои разгневанные лица к замку Вогакан, где теперь гнездится позорная для Мамиконянов измена. С тяжелым чувством отвел Самвел взор от Глакского монастыря и посмотрел направо. Он увидел там Ацяцкий эдем: там среди чудесной гущи ясеневых деревьев возвышались вблизи Аштишатского монастыря купола церквей, выстроенных предками Самвела.

И он снова обратился к своей второй матери:

– Подойди сюда, Вормиздухт.

Вормиздухт легкими шагами подбежала и стала возле него в оконной нише. Мать Самвела посмотрела на них с явным неодобрением.

– Сейчас я расскажу тебе, Вормиздухт, что нужно сделать Меружану, прежде чем воссесть на армянский царский престол. И мы должны помогать ему в его начинаниях... в особенности ты, Вормиздухт.

Он протянул руку к ясеневой роще:

– Взгляни, дорогая Вормиздухт, как красиво освещает солнце своими яркими лучами эту рощу. Своей божественной теплотой оно вселяет жизнь в этот чудный рай. Там веет прохладой, и гибкие вершины деревьев, как нежно-зеленые волны, колышутся, вздымаясь, и сливаются с небом. В гуще этих деревьев стоят храмы, построенные Мамиконянами. Сколько сокровищ истощили мои предки, украшая всевозможными драгоценностями священные престолы этих храмов!.. Несколько сот монахов кормятся там нашим хлебом и молятся за души своих благодетелей. А теперь, милая Вормиздухт, мы же, Мамиконяны, сокрушим эти храмы, а на их место воздвигнем персидские капища. Пусть прахом и пеплом покроются эти священные места! Да сгорит эта прекрасная роща и станет пеплом в неугасимом пламени Ормузда³⁸! Пусть вместо благоухания христианского ладана и иных благовоний в этих священных местах подымется чад от жертвоприношений магов!.. Пусть умолкнут тоскливые звуки колокола и молитвенного клепала! Пусть на этих чудесных высотах каждое утро при восходе солнца и каждый вечер при его закате будут звенеть литавры и звучать трубы магов! И пусть благочестивый армянский... шинакан, услышав этот призыв, дрожа от страха, поднимется на крышу своего дома,

³⁶ Мцурк – на древнеармянском языке означает пепел.

³⁷ Народное предание гласит, что святой Григорий Просветитель покорил всех демонов, а одного из них заставил прислуживать и чистить монастырские печи.

³⁸ Ормузд – бог добра у древних персов.

чтобы возносить поклонение восходящему и заходящему светилу. Слышишь, милая Вормиздухт, чего требует твой брат и что должен сделать Меружан, чтобы стать царем Армении?

Но Вормиздухт не слышала его. Она была в каком-то сладостном забвении. Рука ее лежала на плече взволнованного юноши и, прижавшись к нему, упоенная его дыханием, она прислушивалась только к музыке его слов. Всякий раз, когда он делал небольшое движение, указывая на тот или другой предмет, сердце молодой женщины замирало от знойной истомы...

Однако прислушивалась к словам сына княгиня.

– Довольно! – угрожающе воскликнула она.

Голос матери заставил Самвела очнуться от горячего увлечения.

– Насмехаешься, Самвел?! Подумай, о чем ты говоришь, – продолжала она. – Вормиздухт, отойди от него!

– Да почему ты считаешь насмешкой мое воодушевление, дорогая мать? – сказал Самвел, отступая от окна. – Я совершенно не насмехаюсь, я хотел лишь угодить тебе...

Вормиздухт с сожалением отошла от окна, лишившись минутной близости Самвела. Неровными шагами она направилась к двери, не глядя на Тачатуи.

– Куда же ты, Вормиздухт? – спросила княгиня.

– Мне не по себе... голова закружилась... пойду немного отдохну...

Она быстро вышла, забыв свое опахало, лежавшее на диване. Самвел взял его и быстро пошел следом за мачехой. Он догнал ее в прихожей.

– Благодарю, Самвел, – сказала мачеха, взяв от него опахало, и ее грустное лицо снова озарилось радостной улыбкой.

– Ты с нами сегодня обедаешь, не так ли? – спросил Самвел.

– Нет!..

– Саак очень хотел тебя видеть...

– Извинись за меня.

Она вышла. Два черных евнуха ожидали ее у дверей. Они пошли вперед по дороге к ее дворцу.

Вернувшись в зал, Самвел сказал матери:

– Ты обидела Вормиздухт.

– Я не потерплю у себя эту персидскую чувственность!.. – ответила мать.

– Но ты же так любишь все персидское.

– Подумай, Самвел, она ведь жена твоего отца...

– И моя уважаемая мачеха... Если ты еще будешь так непристойно говорить о ней, я немедленно, как она, уйду и больше не приду сюда никогда.

Княгиня ничего не ответила. Угроза сына на нее подействовала. Слезы женщины, особенно матери, в такие минуты являются самым сильным ответом. Она поднесла платок к глазам и начала горько рыдать.

Чрезвычайно взволнованный, потирая от гнева руки, Самвел быстро ходил по залу, не обращая внимания на мать. Он еще чувствовал близость милой женщины, приятное прикосновение пленительной Вормиздухт, в ушах еще звучали ласкающие звуки ее последних слов.

Самвел любил эту юную женщину, которой не было еще и двадцати лет, любил за то, что она не только не захотела играть ту роль, ради которой браг ввел ее в семью Мамиконянов, но даже презирала ее. При персидском дворе занимались главным образом воспитанием мальчиков; девушки же оставались почти без всякого образования и обучались преимущественно развлечениям и придворным церемониям. Это и было причиной того, что они оказывались совершенно непригодными служить орудием в политической борьбе. Они являлись лишь связующим звеном между своими мужьями и царским двором. Сами же не имели никаких убеждений. Длинные объяснения Самвела, высказанные у окна, были не чем иным, как попыткой узнать, как отнесется Вормиздухт к действиям своего брата. Ее, персиянку и языч-

ницу, должны были скорее радовать предстоящие события, но она осталась к ним совершенно равнодушна. И то, что больше должно было интересовать ее, в чем она должна была проявить свое влияние, то именно интересовало родную мать Самвела. Это и возмущало Самвела.

Раздались звуки трубы. Самвел восторженно, восторженно и его мать. Она вытерла слезы и посмотрела в окно. Самвел подошел к другому окну.

По дороге из Аштишата к замку двигался большой отряд всадников. Их оружие и украшения сверкали на солнце. Когда они приблизились к замку, снова зазвучала труба.

Самвел вышел встречать своего высокородного гостя.

ХII. Неудавшийся заговор

Появление гостей прервало неожиданную ссору между матерью и сыном. Лицо княгини Мамиконян снова приняло обычное надменное выражение.

После ухода Самвела княгиня стала беспокойными шагами расхаживать по залу в ожидании прибытия гостей и церемонии поцелуя руки. Но гости не показывались. Она позвала дворецкого. Вошел человек среднего роста. Он исполнял обязанности эконома, казначея и одновременно стольника.

Дворецкий, войдя, низко поклонился и стал у двери.

– Все ли готово, Арменак? – спросила княгиня.

– Все, госпожа! – ответил дворецкий.

– Музыканты?

– Есть и музыканты!

– Прикажи виночерпию отпустить для гостей самого старого и крепкого вина.

– Прикажу, госпожа.

– А для меня – самого слабого, понимаешь?

– Понимаю, княгиня.

– Но чтобы в цвете разницы не было!

Отдав еще несколько приказаний, она сказала:

– Теперь можешь уходить.

Он поклонился и вышел.

После ухода эконома явился главный евнух Багос. У него было сморщенное безобразное лицо, красные, лишённые ресниц веки, вытаращенные, как у лягушки, беспокойные глаза. Он приблизился к дивану княгини таким осторожным шагом, точно боялся, что ноги выдадут его, и, подобострастно наклонившись, хрипло проговорил:

– Прошли сперва к княгине Заруи поцеловать ей руку.

Надменные глаза княгини Мамиконян зажглись гневом.

– А потом?.. – спросила она встревоженным голосом.

– Потом придут сюда обедать.

– Когда?

– Кто знает? Если княгиня Заруи не задержит, быть может, придут скоро. Только такая уж у нее привычка, – пока не накормит, не напоит гостей, не отпустит.

– Самвел также пошел с ними?

– Он раньше всех был там.

Княгиня еще более взволновалась.

Главный евнух, считая свою цель достигнутой, продолжал нашептывать с еще большим подобострастием:

– Самвел приказал пригласить к обеду и князя Мушега.

– И Мушег дал согласие?

– Да... они с Самвелом – вот...

При этих словах интриган сложил вместе указательные пальцы, желая показать, что Самвел и Мушег неразлучны.

Проживавшие в одном и том же замке семьи братьев Мамиконян – Вардана, Васака и Вагана, с виду дружные, в душе ненавидели друг друга.

Ужасны были причины этой смертельной ненависти. Васак убил своего родного брата Вардана; Ваган же, отец Самвела, предав братоубийцу Васака в руки Шапуха, персидского царя, тоже стал братоубийцей.

В доме Мамиконянов царила непримиримая семейная вражда. Но она прикрыта была фальшью приличий, принятых у знати.

Княгиню не столько возмутило то, что Самвел пригласил на обед Мушега, сына своего дяди, сколько сообщение о том, что Саак Партев прежде всего отправился приложиться к руке княгини Заруи, которая была вдовой убитого Вардана Мамиконяна. А Саак, как уже было сказано, был внуком Вардана, сыном его дочери. Вот почему Саак, посещая замок своих дядей, прежде всего отправлялся к княгине Заруи, утешал ее и выражал свое почтение вдовствующей бабке. Понятно, это очень сердило мать Самвела. «Этот заносчивый Партев, всякий раз бывая в замке, не пропускает случая обидеть меня», – думала она, и ее пухлые губы дрожали от волнения.

– О Вормиздухт ничего не узнал? – снова обратилась она к главному евнуху.

– Ей нездоровится...

– Значит, она не придет обедать?

– Если бы и была здорова, то все равно не пришла бы, – ответил Багос. Он еще более сморщился, что-то похожее на смех перекосило его хитрое лицо.

Лицо же Тачатуи просияло от искренней радости: Вормиздухт не придет обедать. Прекрасная, приветливая персиянка затмила бы ее в окружении молодых гостей. Беспредельная зависть мучила тщеславную княгиню из рода Арцруни, хотя она была уже в возрасте увядающей женщины.

Во время разговора главного евнуха с княгиней дверь зала временами чуть-чуть приоткрывалась, и из узкой щели выглядывали чьи-то блестящие глаза: кто-то подслушивал из прихожей.

Известия, которые сообщил главный евнух, хотя и порадовали княгиню, но еще больше усилили ее подозрения. Она была встревожена, в ее затуманенной голове проносились неясные мысли. Приезд гостей произошел так неожиданно-негаданно, что у нее не было времени привести в порядок свои думы и прийти к определенному решению. Теперь она колебалась, не зная, что предпринять.

Она снова обратилась к евнуху:

– Ты уверен, что Мушег будет сегодня обедать у меня?

На лице евнуха снова появилась отвратительная улыбка, и беспокойные зрачки расширились.

– Твой покорный раб никогда не говорит своей госпоже того, в чем сам не уверен, – ответил он, несколько развязно протянув руку, чтобы поправить одну из сбившихся на диване подушек.

Дверь зала опять дрогнула, любопытные глаза вновь блеснули из щели. По-видимому, этим пытливым глазам не удалось проследить, кто был собеседником княгини, так как диван, на котором сидела княгиня, стоял у противоположной стены, зал же был так велик, что к дверям доносились лишь неясные звуки.

Княгиня в задумчивости поднялась с дивана и направилась в соседнюю комнату.

– Иди за мной, Багос! – приказала она евнуху.

То была уютная комната, в которой княгиня проводила часы уединения. Одна дверь вела в спальню, другая выходила в небольшой тенистый дворик с вечнозелеными растениями, расположенный позади помещения для наложниц. Княгиня тщательно заперла за собою дверь. В зале никого не осталось.

Невидимая слушательница осторожно вошла в зал. Это была Нвард. Неслышно, легкими шагами проскользнула она по мягким коврам и, внимательно осмотревшись вокруг, подошла к цветам у окон, понюхала, направилась к металлическому зеркалу, поглядела на свое лицо, а затем подкралась к той двери, за которой скрылись княгиня и евнух. Отсюда доносился приглушенный разговор. Она осторожно приложила ухо к замочной скважине. Девушка затаила

дыхание, чтобы лучше слышать. До нее доносилось лишь неясное бормотанье, из которого она не могла разобрать ни одного слова. Ее душила досада. Недоброе предчувствие говорило ей, что готовится какой-то ужасный заговор. Она отошла от двери и стала искать какую-нибудь вещь для того, чтобы в случае внезапного появления княгини притвориться занятой делом. В это время двери зала с шумом раскрылись и, как воробей, влетел маленький Ваган, младший брат Самвела.

Весь потный от игры, краснощекий веселый шалун подбежал к девушке и, обхватив ручонками за ее шею, поцеловал ее. Потом, быстро отскочив, прыгнул на диван и, собрав в кучу все подушки, уселся на них верхом, прищипывая и нахлестывая воображаемого коня, весело покрикивая «ну-ну». Заметив, что его бестолковый конь не двигается, он заскучал и спрыгнул с дивана в поисках новой игры. Шалун вытащил один из букетов, стоявший в цветочной вазе. Тут Нвард бросилась к нему и с трудом отняла у него цветы. Но они были уже довольно помяты. Видя, что упрямый ребенок не унимается, девушка схватила его за руку, почти насильно вытащила из зала и заперла дверь изнутри. Но тот, прежде чем убежать, некоторое время сердито барабанил в дверь.

Шалости Вагана хотя и отняли у девушки несколько драгоценных минут, но зато помогли ей найти благовидный предлог для того, чтобы остаться в зале. Она подошла к «коню» Вагана и еще больше разбросала подушки. Взяла помятые цветы, оборвала лепестки и расшвыряла по коврам. После всего этого она снова подкралась к двери комнаты княгини и приложила ухо к щелке.

Теперь там говорили еще тише. Девушка вся превратилась в слух, но ничего не могла разобрать. Сердце у нее колотилось от любопытства, и кровь прилиwała к щекам. Ей бы только узнать, с кем разговаривает госпожа!

Дверь снизу была неплотно пригнана к порогу. Там оставалась узкая щель. Она нагнулась и стала глядеть через эту щель. Ничего не видно! Неожиданно до нее донеслись звуки удушливого кашля, которые то усиливались, то, постепенно ослабевая, наконец, перешли в хрип. Девушка вздрогнула. Этот кашель был известен всему замку. Он исходил из впалой груди и сгнивших легких. Теперь она знала, кто был собеседником госпожи. «Они что-то замышляют!» – подумала она и опять вся превратилась в слух.

Вдруг она побледнела, как бледнеет человек, когда вблизи ударит молния с раскатами сильного грома. Она услышала всего два слова: первое – «Мушег», второе – было ужасное...

В комнате княгини наступила глубокая тишина. Должно быть, собеседник княгини, получив последнее указание, удалился через ту дверь, которая выходила на малый двор женской половины.

Девушка отошла от двери, опасаясь, что княгиня неожиданно войдет и застанет ее врасплох. Она открыла запертые ею двери зала и принялась за уборку разбросанных по ковру листьев и лепестков. Подушки все еще валялись на полу. Оставалось еще много дела и, если бы княгиня вошла, то застала бы ее за уборкой. Но княгиня все еще не выходила. Быть может, совесть мучила ее за то бесчеловечное приказание, которое она только что отдала своему верному слуге...

Не один раз подбирала Нвард и снова разбрасывала лепестки, стебельки и листья; наконец княгиня вышла из своей комнаты.

– Что это такое? Кто это сделал? – воскликнула она, окидывая зал сердитым взглядом.

– Известно – кто! – ответила девушка, усердно подбирая цветы. – Вошла сейчас и вижу: Ваган все раскидал. Как увидел меня, бросился бежать.

– Ах, озорник! – воскликнула возмущенная мать. – Когда же поумнеет этот мальчик? Сейчас могут войти гости и застать этот беспорядок.

– Я мигом все уберу, госпожа, – ответила девушка, суется по залу.

– Пока ты уберешь, наступит полдень! Пришли кого-нибудь из слуг, чтобы подмел, а сама беги в сад, нарви свежий букет и принеси сюда.

Нвард быстро вышла.

В трапезной палате толпились слуги; смеялись, гоготали, шутили, накрывая на стол. Тут же был и юный Иусик, возлюбленный Нвард.

Кликнув издали одного из слуг, девушка, передала ему приказание госпожи, а сама побежала в сад.

Глаза Иусика загорелись. Он стал следить, куда направится Нвард, так как заметил, что шустрая девушка уходя поднесла руку к правому уху, – это был условный знак: «следуй за мной».

Иусик, чтобы не навлечь подозрения товарищей, выждал несколько минут, а затем незаметно вышел из трапезной. Издали он заметил, что девушка отправилась в сад. Он поспешил туда же другой дорогой.

Он нашел свою возлюбленную возле кустов роз, но не такой веселой, какой обычно встречал ее здесь! Она только что начала вязать букет.

– Не для меня ли? – спросил он и хотел было ее обнять.

– Не время, Иусик, – сказала Нвард. – Я позвала тебя по очень важному делу.

– По какому это делу? – с обидой в голосе спросил юноша, впервые столкнувшись с такой холодностью любимой девушки.

– Иди к Самвелу. Как-нибудь намекни, чтобы он предупредил Мушега ни в коем случае не приходить сегодня на обед к нашей госпоже... Иди, не медли!..

Серьезный тон, которым девушка произнесла эти слова, заставили Иусика забыть на время свою любовь, и он спросил с удивлением:

– А почему бы князю Мушегу не прийти на обед? Что случилось?

– Есть причина... потом скажу... торопись!

– Но князь Самвел захочет узнать причину, чтобы сообщить о ней князю Мушегу.

– Если твой князь сейчас все узнает, будет нехорошо, дорогой Иусик, – твердо ответила девушка. – Может произойти ссора. Когда гости разъедутся, тогда я тебе обо всем расскажу и ты сообщишь своему господ дину. Ступай же, не медли!

– Дай личико...

– Иди...

– Ну, хоть эти милые пальчики!..

Иусик поймал руку девушки, поцеловал кончики ее пальцев и выбежал из сада.

О, дали бы мне дым благоуханий

И утро Навасарда,
Прыжки ланей,
И бег оленей!
Мы в трубы протрубим
И в барабаны забьем!³⁹

Из трапезной палаты донеслись звуки лютни, бамбира и страстная песня царя Арташеса. Два гусана, стоя у дверей, пели и играли на своих старинных инструментах. Стара была песня, стары были и певцы.

Арташес спел эту песню на смертном одре. Царь, патриот в последние минуты жизни жаждал участвовать в торжествах, происходящих в первое утро месяца Навасарда. С тех пор

³⁹ Пер. В. Брюсова.

прошло около трехсот лет. И вот та же песнь лежавшего на смертном одре царя-язычника пелась в христианский век.

Посреди обширной палаты стоял мраморный, стол. Он был длинен настолько, что по обеим сторонам его могли свободно разместиться более пятидесяти человек. Но на красивых скамьях, украшенных резьбой, сидело всего пятеро. В центре стола на великолепном кресле восседала княгиня Тачатуи, справа – Саак Партев, слова – Месроп Маштоц. Рядом с Сааком сидел Самвел, а напротив него – старик Арбак, дядька Самвела. Среди гостей не было ни князя Мушега, ни княгини Вормиздухт.

Стол был уставлен всевозможными яствами. На высоких серебряных вазах лежали сладости и сушеные фрукты. Весь стол был украшен разнообразными цветами и свежими листьями. За спиной каждого гостя стоял пышно одетый юноша с венком на голове, держа в одной руке серебряный кувшин с вином, а в другой серебряный кубок в виде маленькой чаши. Это были виночерпии, число которых равнялось числу гостей. Немного поодаль стояли вооруженные телохранители, неподвижно наблюдавшие за господами.

Певцы, которым было предоставлено место у дверей, пели не переставая и играли на инструментах. Один из них был слепой, как Гомер, другой – хромой. Они были бедно одеты. Убого выглядели эти любимцы народа в княжеской трапезной.

Звуки из печальной песни, ее грустная мелодия, звон золотых вилок и звучное чоканье серебряных кубков заглушали разговор, который становился все оживленнее.

Молчал лишь Самвел. Горькие, томительные размышления волновали его душу. Двое близких его сердцу людей по разным причинам не приняли участия в трапезе: князь Мушег и Вормиздухт. Причины отсутствия обоих были для него тоже очень неприятны.

Больше всех говорила княгиня Мамиконян, то и дело обращаясь к Сааку Партеву. Обычно среди гостей она чувствовала себя свободно, но сегодня ее разговор все время обрывался, и слова казались бессвязными. Ее мучила, мысль о том, рассказал ли Самвел гостям о возвращении князя Вагана из Тизбона, и если рассказал, то в какой форме? Гости не заговаривали об этом, да и сама княгиня старалась избежать этой темы. Но совершенно умолчать об этом было неудобно. У нее было намерение отправить в ближайшие дни Самвела для встречи отца, прежде чем последний вступит в пределы Тарона. Нельзя, чтобы самые близкие друзья их дома не знали об этом. И сколько бы она ни скрывала, все равно Самвел сам сообщит им. Но она не успела сговориться с Самвелом, как возвестить о предстоящем приезде отца, и какой характер придать его встрече. Кроме того, ее мучил вопрос: почему Мушег не пришел к обеду? Неужели в ее доме завелись шпионы? Неужели ей изменил евнох Багос?.. Сам посоветовал и сам же тайно сообщил Мушегу о подготовленном заговоре. «Если Мушег все знает, то последствия могут быть ужасны» – размышляла она, скрывая свою тревогу за поддельной веселостью. Никто не внушал ей такой страх, как этот смелый и храбрый юноша, который мог разрушить все ее намерения.

Лишь исключительное самообладание помогло княгине сохранить хладнокровие и не выдать себя перед гостями. И все же она была в тяжелом положении и не знала, какой найти выход из такого сложного стечения обстоятельств.

Она старалась говорить о посторонних вещах. Несколько раз по-разному она выразила сожаление по поводу ссылки Нерсеса Великого, отца Саака.

– С того дня, – говорила княгиня со слезами в голосе, – как до моего слуха дошла эта печальная весть, я не знаю покоя. Всякий раз как вспомню о нем, на моих глазах навертываются слезы... Армения без пастыря! Горе нам всем! – и она поднесла платок к глазам.

Саак стал ее утешать, говоря:

– Не печалься, княгиня, не мучь себя этими тяжелыми воспоминаниями. Моему отцу пришлось в жизни перенести немало испытаний, но каждый раз всемогущий господь помогал ему. И от этого испытания, я уверен, он избавится...

– Избавится... – повторила княгиня, приняв несколько утешенный вид. – Святые молитвы помогут ему.

Партев перевел разговор и спросил:

– Скажи, тетушка, какие вести у тебя от дяди? Не знаю, откуда, но дошло до меня, будто он на этих днях возвращается домой?

Княгиня смутилась, но быстро овладела собой.

– Говорят, возвращается, но точных сведений нет. Видно, за грехи наши... Дороги преграждены... отовсюду слышно о неудачах... Нет ничего утешительного... Что делается в Тизбоне, что с государем нашим – ничего не известно. Лишь на днях прибывший из Тизбона, должно быть беглый воин, принес известие, будто твой дядя возвращается. Но не было ни письма, ни другого доказательства. Боюсь, что воин обманул меня, надеясь на награду. Как твое мнение, дорогой Саак? Я совсем растерялась, не знаю, что и делать...

– Не думаю, чтобы прибывший воин посмел тебя обмануть, дорогая тетушка! Он здешний уроженец?

– Да, из наших крестьян.

– Ну, значит, нельзя сомневаться, твои люди не обманут тебя!

– Я тоже склонна так думать, вот собираюсь послать Самвела встречать отца.

– Конечно, следует послать! – воскликнул Саак, стараясь казаться веселым, и обратился ко всем остальным, как бы желая привлечь их к этому притворно дружественному разговору: – Слышишь, Месроп, дядя мой Ваган возвращается, Самвел едет его встречать... Поднимем кубки и пожелаем Самвелу счастливого пути!

Месроп, занятый шутилой беседой со стариком Арбаком, не сразу расслышал Саака. Партев повторил свой тост.

– Выпьем, выпьем! – ответил Месроп и обратился к певцам: – Спойте нам новую песню.

Они спели песню о ночном посещении Вахагом золотого чертога Астхик, стоявшего на вершине горы Астхонк:

Померкло солнце. Ночь темна.
Над тихою рекой
Рассыпал бог земного Сна
Дремоту и покой.

Волны полночной пережат
Чуть слышен в тишине,
Чтоб забытые речных Наяд
Не нарушать на дне.

Не слышно камышей ночных
Над сонной Арацани, —
Тяжелый Сон у водяных —
Пусть мирно спят они.

Лес, не шумя листвою, стоит,
Как вымер тихий мир.
В замшелом гроте крепко спит
Парик – лесной Сатир.

Молчат земля и небосвод,
Повсюду тишина.

Трава и гладь прохладных вод
В объятых томных Сна.

И только на горе Астхонк
Богине спать невмочь
И слышит тяжкий долгий стон
Отзывчивая ночь.

Богиня мечется, томясь,
Покров ее измят,
А пламя глаз летит, стремясь
В далекий Аштишат.

Вдруг задрожал, трясясь, Тарон,
Объял все души страх.
Гром загремел со всех сторон,
В лесах и на горах.

Светловолосый то Вахагн
Рукой богатыря
Потряс, как грозный ураган,
И горы и моря.

Богиня дрогнула, бледна,
И грусть сошла с лица,
Когда почувала она,
Что Витязь у дворца.

Мир снова погрузился в Сон,
Земли спокоен лик, —
Умолкнул Витязь, заключен
В объятия Астхик.⁴⁰

⁴⁰ Поэтический перевод В. Звягинцевой.

ХIII. Обстоятельства усложняются

После обеда гости снова перешли в залу. Для них здесь был приготовлен шербет и другие прохладительные напитки.

Слуги беспрестанно входили и выходили; у дверей же неподвижно стояли вооруженные телохранители Саака и Месропа.

Княгиня Мамиконян теперь совсем развеселилась и ласково занимала гостей. Она даже разговаривала и шутила с Месропом, на которого прежде не обращала особого внимания. Она считала его невидным дворянином, кто с крыши своего невзрачного замка может обозреть границы всех своих владений.

Старик Арбак тотчас же после обеда незаметно исчез.

Самвел был по-прежнему мрачен. Не будь гостей, он следом за своим дядькой охотно бы удалился к себе, чтобы дать покой возбужденному, сердцу. Он сидел в отдалении, прислонясь к спинке дивана, и, казалось, дремал. Но его отяжелевшая голова была в ужасном смятении. Помимо его воли, гости подняли заздравные кубки с вином и пожелали ему счастливого пути. Он должен был выехать навстречу отцу; он должен был приветствовать изменника родины... Но с каким сердцем ехать? Как встретить? Эти горькие, полные отчаяния мысли не давали ему покоя.

Княгиня, продолжая нескончаемую беседу с гостями, спросила Саака, в каком состоянии он нашел свои родовые владения.

– Не совсем утешительном, тетушка, – ответил тот, несколько смущенный неожиданным вопросом. – Тебе ведь известно, что наши негодяи управители изо всего извлекают выгоду. После несчастья с моим отцом некоторые из них сочли себя, кажется, владельцами вверенных им земель. Они даже отказались своевременно доставить доходы. Много сил пришлось затратить, чтобы покончить с безобразиями и привести дела в порядок.

Княгине не удалось поймать Партева на слове. Тогда она заговорила о другом:

– Но все же, слава богу, тебе удалось немного привести свои дела в порядок? Теперь ты должен отдохнуть в доме твоих дядьев, милый Саак, и доставить им радость.

– Хотел бы очень, тетушка, но, к сожалению, больше одного дня остаться не могу. Очень спешу...

– Почему? Погости хотя бы до приезда отца Самвела. Ты ведь знаешь, как он обрадуется, застав тебя здесь.

– Дома меня ждут с большим нетерпением. Маленькая Саакануйш больна, мать безутешна, я не могу медлить, дорогая тетя!

Лицо княгини выразило огорчение, хотя она не верила ни в болезнь маленькой Саакануйш, ни в безутешную печаль ее матери, как не верила и тому, что Саак прибыл в Тарон для приведения, в порядок своих владений. Она обернулась к Месропу, который стоял у одной из ниш и рассматривал изящную резьбу на серебряном сосуде.

– Ну, чем же кончился ваш спор с жителями Одза, Месроп?

– Я совсем не думаю об этом, княгиня, – ответил равнодушно Месроп. – Заботу эту я предоставил своему отцу, – со змеями иметь дело опасно.⁴¹

– Ну, и жители Хацика тоже хороши! – заметила княгиня улыбаясь.

– Потому-то их и прозвали «скорпионовым отродьем», – ответил смеясь Месроп.

Месроп был владельцем местечка Хацик, где он родился. С жителями города Одз он вел давнишнюю тяжбу о спорных земельных межах. Одзунцы считались людьми змеиноного нрава. Хацикцев же прозвали «скорпионовым отродьем», то есть язвительными, ядовитыми, зловред-

⁴¹ Одз – по-армянски означает змея. Здесь игра слов: «одзунцы» – змеи.

ными. Княгине хотелось своим намеком уязвить молодого «скорпионца» за его ядовитый язык. Одзунцы пользовались ее особым покровительством и находились под ее непосредственным попечением.

После этой незначительной шутки, не показавшейся княгине особенно приятной, разговор снова перешел на предстоявший отъезд Самвела. Поводом послужило замеченное княгиней мрачное настроение сына. Она встала с дивана, подошла к сыну и, перебирая его густые кудри, спросила:

– Что с тобой, мой милый? Ты что-то после обеда загрустил...

– Ничего... – ответил Самвел, поднимая голову, – это часто бывает со мной... Особенно после шумного веселья... За столом я выпил лишнее...

Княгине бросилось в глаза бледное лицо сына. Она встревожилась.

– На тебе лица нет, Самвел, – сказала она с дрожью в голосе. – Ты, должно быть, болен. Глаза твои блестят, точно в лихорадочном жару... На тебя страшно глядеть...

– Я же говорю, что со мной так бывает, – повторил сын, вставая с места.

Задумчиво пройдясь несколько раз по залу, он остановился возле Месропа. Тот продолжал рассматривать древнюю посуду. Княгиня вернулась на прежнее место...

– У молодых людей часто бывают такие минуты, – заметил Саак. – Может быть, он вспомнил о чем-нибудь? Быть может, о невесте...

Княгиня сердито воскликнула:

– Прошу тебя, Саак, не напоминай об этом. Я ненавижу всех князей Рштуни и всю область Рштуник...

Саак не ожидал такого ответа. Слова матери не только острием вонзились в сердце Самвела, но обидели даже Саака, который пожалел, что по недомыслию завел об этом речь.

– Почему? Рштуник – прекрасная страна. И отчего ты ненавидишь Рштуниев, этих доблестных князей, княгиня? – холодно спросил он.

– Не знаю почему, – ответила княгиня с прежним возмущением. – Но я знаю, что дочь этих грубых, диких, кровожадных горцев не может быть женой моего сына... Я – Арцруни и выбрала из нашего рода достойную невесту для Самвела... Он это знает. Мы уже сто раз говорили об этом.

Выслушав мать, Самвел подошел к ней и с некоторой усмешкой сказал:

– Да, да: не сто, а тысячу раз ты говорила об этом, но, кажется, не забыла и мои ответы.

– А если отец тебе предложит, Самвел, то же самое? – сказала мать как бы в упрек за его упорство, – я думаю, ты не посмеешь противиться воле отца?

– Воля отца мне пока еще неизвестна, – очень хладнокровно ответил Самвел.

– Но зато она известна мне! – сердитым тоном сказала княгиня.

Саак, заметив, что его невинная шутка послужила поводом к неуместному спору между матерью и сыном, поспешил вмешаться.

– Оставим этот разговор! В этом деле воля отца имеет, конечно, большое значение... подождем его приезда. Я уверен, что Самвел исполнит желание отца.

Затем, желая направить разговор на более необходимый предмет, он обратился к Самвелу:

– А ты, дорогой Самвел, должен подготовиться к выезду.

Самвел ничего не ответил.

Княгиня, очень довольная предложением Саака, взяла сына за руку, усадила возле себя и, глядя на него с нежностью, сказала:

– О твоём отъезде я позабочусь сама, дорогой Самвел. Забудем обо всем! Ты еще не знаешь, что такое сердце матери! Ты не знаешь, с какой горячностью оно бьется за счастье сына! Сегодня же прикажу приготовить для тебя коней. Я велю украсить их серебряной сбруей и драгоценными попонами. Более пятидесяти воинов будут тебя сопровождать для встречи с

отцом. Большой отряд юных ратников, прекрасно одетых и богато вооруженных, будет с тобой. И всякий, кто увидит твой блеск, будет славить твоих родителей!

Приезд князя Вагана, о чем раньше княгиня говорила неопределенно и скорее стремилась его скрыть, чем сделать известным, теперь, помимо ее воли, сделался предметом открытого разговора. Княгиня, не видела ничего плохого в том, чтобы ее гости знали о приезде Вагана, лишь бы не догадывались о *целях* его приезда. Она была уверена, что о целях не было еще известно ее гостям: иначе они не удержались бы и как-то намекнули об этом. Именно ради этого она велела подать к столу самое крепкое вино, чтобы винные пары развязали им языки. Но она ничего не услышала. Все же ее подозрения относительно цели посещения Саака и тайного секретаря его отца, Маштоца, еще не рассеялись.

Самвел понял, с какой целью Саак так ловко заставил мать рассказать все то, что относилось к его путешествию. Желая вызвать ее на дальнейшую откровенность, он сказал:

– Все это касается только достойной встречи моего отца, дорогая мать, но ты умалчиваешь с том, какой прием собираешься оказать его высокочтимым спутникам.

При этих словах он повернулся к Сааку и Месропу.

– Вы еще не знаете, что вместе с отцом едут к нам из Персии два видных персидских полководца – Зик и Карен. Они будут защищать нашу страну, оставшуюся без царя и патриарха. Им нужно тоже оказать пышную, встречу.

Сердце матери тревожно забилося; что собирался сказать Самвел? Неужели он хотел выдать ее тайны Сааку и Месропу?

Самвел, заметив замешательство матери, продолжал:

– Да! С моим отцом придут полководцы Зик и Карен. Когда эти полководцы вступят на Таронскую землю и приблизятся к Арацани, тогда ты, дорогая мать, повели устлать дорогу от берега реки вплоть до нашего замка драгоценными коврами. И пусть персидские полководцы войдут в наш замок, шествуя по этому славному, красному пути. Вот тогда-то мы справим торжественный пир!.. Не забудь распорядиться, чтобы им по пути приносились священные жертвы, как велит персидский обычай... Пусть кровью очистится их путь. И пусть по трупам жертв доберутся до нас эти почетные гости...

Княгиня с облегчением перевела дух, когда полные горьких намеков слова Самвела были прерваны.

Разговор кончился, так как Саак и Месроп поднялись и, поблагодарив княгиню за радушный прием, сказали, что теперь отправятся к князю Мушегу. Княгиню неприятно поразило это известие, тем более, когда она узнала, что гости будут ужинать и ночевать у князя Мушега.

– Почему же у него? – упрекнула она. – Вы меня обижаете. Я прошу, приходите ночевать к нам.

– У тебя столько дел, дорогая тетушка, я и Месроп не хотели бы тебя утруждать, – ответил Саак; – Мушег же ничем не занят у себя в замке.

Княгиня весьма дружелюбно проводила гостей до прихожей, взяв с них слово, что перед отъездом они повидаются с ней еще раз.

После их ухода она вернулась в опустевший зал и всем своим усталым телом опустилась на диван. Охватив руками отяжелевшую голову, она стала разбираться в проведенной ею за день роли. Итог был безнадежный! Неудача заключалась в том, что она не выдержала намеченной роли перед гостями. Ведь они узнали много такого, чего им не следовало знать! Не удалась ее и злая затея в отношении Мушега. Она подумала, не позвать ли главного евнуха и не расспросить ли его. Но через четверть часа он явился сам. Лицо его выражало тоску и печаль так же, как лицо его госпожи.

Самвел пошел проводить Саака и Месропа до дворца Мушега. Долго шли они, минув лабиринт бесчисленных дворов и строений, пока добрались наконец до огромных сводчатых

ворот дворца, украшенных изваяниями двух больших каменных орлов с распростертыми крыльями, которые, точно бдящие существа, охраняли вход в княжеский дворец.

Отец Мушега, Васак, был самый богатый из всех братьев Мамиконянов, и дворец его был самый пышный. Кроме Тарона, наследственного нахарарства рода Мамиконянов, Васаку принадлежала еще часть области Екехяц, где он основал город, названный в честь его Васакакерт.

Пройдя через ворота и длинную улицу, они вошли в обширный двор, густо обсаженный вечнозелеными растениями и цветочными кустами. Посреди двора в мраморном бассейне высоко бил фонтан, и вода, подобно жемчужному ливню, падала на курчавую голову красивого морского зверя, из пасти которого била струя. Два павлина кружились вокруг этого прекрасного журчащего бассейна. От нежного движения волн по краям бассейна образовался пестрый веночек из цветов. В этом душистом прохладном эдеме солнечные лучи точно растворяли свое тепло; здесь царила вечная, цветущая весна.

Они нашли Мушега в беседке возле фонтана. Он сидел один и смотрел на лужайку, где двое резвых юношей состязались в стрельбе из лука, стараясь попасть стрелой в шар, укрепленный на высоком шесте.

Увидев почетных гостей, Мушег быстро пошел им навстречу, обнял сначала Саака, а затем Месропа.

– Вижу, – сказал он смеясь, – что княгиня Тачатуи накормила вас на славу. Долго же вы обеды! Я давно уже поджидаю вас.

Они вошли в беседку и расположились на сиденьях, сплетенных из веток.

Самвел стал прощаться.

– Ты уже уходишь, Самвел? – спросил Мушег.

– Я приду к вам ночью... и, вероятно, очень поздно! – ответил тот удаляясь.

У входа в беседку стояли постоянные телохранители Саака и Месропа. Им приказано было уйти и посидеть где-нибудь в саду, так как они целый день провели на ногах.

Юноши, стрелявшие на лужайке, увидев Саака и Месропа, бросили упражнения и прибежали к беседке, Саак обнял обоих и поцеловал. Один из них был Амазасп, сын Вардана Мамиконяна, другой – Артавазд, сын Ваче Мамиконяна. Белокурый Артавазд, семнадцатилетний бойкий юноша, положив руки на колени Саака, сказал:

– Знаешь, сколько раз промахнулся Амазасп? Пять ударов из двадцати!

– А ты, хвастун, сколько раз промахнулся? – спросил Саак, забирая в свою ладонь его ловкие руки.

– Всего только один.

– Рука моя сегодня дрожала почему-то, – оправдывался Амазасп.

Этот кудрявый мальчик с блестящими глазами был нареченным женихом дочери Саака, красавицы Саакануйш. Сам из рода Мамиконянов, он и свою дочь просватал за Мамиконяна и в тот дом, откуда происходила его мать. Браки между близкими родственниками были обычными в то время в Армении, особенно в высших кругах. Обычными были также обручения не только несовершеннолетних, – обручали детей еще в колыбели и даже не родившихся.

– Ну, теперь идите попытайте еще раз счастье! – сказал им Саак.

Юноши подхватили свои луки и побежали к высокому шесту с шаром на конце.

День уже клонился к закату. Догорающие лучи солнца играли в белой, как снег, пыли фонтана, сверкая яркими радужными переливами. Эти краски освещали мрачный фасад старого замка, обращенный к саду.

Мушег поднялся с места.

– Пройдемте ко мне, – сказал он Сааку и Месропу, – нам нужно о многом потолковать.

Они отправились в покои Мушега, окна которых в этот момент сияли цветами радуги.

Вернувшись к себе, Самвел не знал, что предпринять. Разного рода мысли роились у него в голове. Смутные замыслы волновали его, и он колебался, затрудняясь определить: с чего начать и от чего отказаться?

Он прошелся несколько раз по комнате, затем направился в опочивальню и прилег на постель. Он старался заснуть, чтобы дать отдых измученному сердцу. Но заснуть не мог.

Мать обещала ему набрать отряд из всадников, подобающий члену семьи князей Мамикониан, и устроить торжественную встречу отцу. Именно это последнее и было главным предметом его раздумья. Отряд всадников, составленный матерью!.. Он должен ехать с людьми, выбранными ею... Говоря попросту, эти люди поведут за собой Самвела. Поведут, чтобы порадовать отца! Чтобы показать персидскому войску украшенную золотом и серебром куклу... На удивление персидским полководцам. Такова была цель тщеславной матери.

Но у Самвела были свои намерения. Если бы даже мать не предложила, он все равно отправился бы встречать отца. Но поехал бы со своими людьми. Он не мог ехать с людьми, избранными матерью и под их наблюдением. Ему нужны были верные люди, на которых он мог положиться.

Именно вчера утром, когда гонец привез ему мрачные вести из Тизбона, у Самвела зародились недобрые замыслы; они постепенно видоизменялись, разрастались. Чтобы осуществить их, ему необходимы верные люди, которые были бы при нем.

Но Самвел ничего не возразил матери, когда она заявила, что сама составит для него отряд всадников; не возразил с целью не дать повода для подозрения. Но как теперь примирить две крайности, чтобы исполнить желание матери и вместе с тем осуществить свою цель? Он никак этого не мог решить. Охватив руками голову, одолеваемый тревожными мыслями, Самвел закрыл глаза...

В то же самое время его мать, лежа в такой же позе на диване, тоже размышляла...

Было совсем темно, когда Иусик со светильником в руке вышел и разбудил Самвела.

– Что такое? – спросил князь, протирая глаза.

– Какой-то поселянин просит пропустить его к тебе, – ответил юноша.

Самвел сообразил, кто это мог быть.

– Приведешь его сюда, но так, чтобы никто не видел, – сказал он.

Иусик поставил светильник и вышел.

Самвел из опочивальни перешел в приемную.

Спустя немного в сопровождении Иусика вошел Малхас. Руки у него были обнажены по локоть, волосатая грудь открыта, в руке было копье. Он лениво поклонился и встал, опираясь на копье.

Иусик удалился, думая, что господин, быть может, хочет остаться наедине с этим человеком, разбойничье лицо которого внушало ему недоверие.

– Ты бывал когда-нибудь в области Рштуник, Малхас? – спросил его Самвел после ухода Иусика.

Резкие черты лица храброго селянина смягчились. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки; он с презрением ответил:

– В Рштуникских горах нет ни одного камня, которого бы не знал Малхас, князь!

– А на острове Ахтамар бывал?

– Не раз.

– Сколько времени понадобится тебе, чтобы добраться туда?

Поселянин, подумав немного, сказал:

– Как повелишь, князь. Если что-нибудь спешное, то ночь превращу в день и через два дня буду там.

– Да, дело очень спешное, – сказал Самвел. Он достал из ниши приготовленное утром письмо и вручил Малхасу, говоря: – Вот, постарайся доставить это письмо как можно скорее князю рштуникскому Гарегину.

Малхас, взяв письмо, тщательно запрятал его в свой головной убор.

– Других приказаний не будет? – спросил он.

– Нет, больше ничего. Счастливого пути!

Малхас покорно кивнул головой и вышел.

В прихожей у двери ждал Иусик. Он вывел этого чужестранца из замка так же незаметно, как и привел.

Этот смелый, самоуверенный человек был тем шинаканом, которого за день до этого встретил Самвел по дороге в Аштишатский монастырь. Он должен был доставить письмо князю Гарегину Рштуни, дочь которого, Ашхен, была предметом любви и сладостных мечтаний Самвела и предметом ненависти его матери.

XIV. Новые вести

Отправив письмоносца, Самвел обратился к своему верному Иусику:

– Сегодня ночью я собираюсь к князю Мушегу. Пусти в ход всю свою ловкость. Осмотри тщательно все проходы, чтобы меня никто не заметил.

– Приказ моего тера будет исполнен, – самоуверенно ответил юноша и вышел, думая про себя: «Я так устрою, что сам сатана не увидит князя».

Самвел остался один. Никогда еще он не был так возбужден, как в эту ночь, никогда еще его чувства не пылали так сильно, как в эту ночь. В письмо, посланное с гонцом, он вложил свое сердце, свою душу, все свои нежные чувства. Теперь лишь тень его ходила по этой пустынной комнате, богатое убранство которой его душило.

Его мысли неслись туда, к тем страшным горным вершинам, куда не осмеливались залезать даже быстрокрылые орлы, к тем скалистым вершинам, где вечнозеленые сосны обнимаются с облаками, где горные водопады сверкают серебристыми каскадами, где лишь тигры, барсы и гиены нарушают глубокое молчание мрачных лесов.

Там, в каменной стране, царит, как седой патриарх, величественный Артос, вознося свои снежные вершины над окружающими горами. Там, в этой чудесной стране, в ясном и ярком зеркале Ванского озера, отражается причудливыми изгибами священная гора Ындзак. Там горец все еще в первобытном одеянии из звериных шкур, с длинным копьём в руке, прыгает с камня на камень, преследуя быстроногую лань.

Там, в трепетном объятии вод, стоит желанный остров с неприступным замком Ахтамар, и в мирном, молчаливом уединении этого острова живет, как морская богиня, его прекрасная Ашхен.

«Дорогая Ашхен! – воскликнул он в глубоком забвении. – Я твой, навеки твой, я принадлежу тебе всей силой моей души. Жестокая строгость родителей, безжалостные преграды жизни не могут отнять у тебя то, что я со всем жаром любви посвятил тебе. Ничто не в состоянии затмить тебя: ни слава, ни величие, ни царская корона! Ты для меня все, драгоценная Ашхен! Ты покой моей души, ты мое утешение: при звуках твоего имени исчезают заботы, забываются горести, и в моей душе восходит яркое солнце радости. Когда глубокое отчаяние овладевает мною, когда неожиданное зло ослабляет мои силы, ты вдохновляешь меня божественным вдохновением, ты оживляешь во мне умершую энергию и потерянную веру. И теперь, когда моя родина в большом смятении, когда все священное под угрозой разрушения, когда беспощадный враг стоит над нашей головой, – в эти роковые дни твоя любовь, прекрасная Ашхен, как ангел-хранитель, зажигает в моем сердце огонь самопожертвования и толкает меня на опасности... на войну... на кровь... Пройдет буря, умолкнет лязг оружия, придет счастливый день, и за свои заслуги воин успокоится в дорогих объятиях!...»

В увлечении Самвел не заметил, как дверь тихо отворилась и кто-то, закутанный в черный широкий плащ, вошел в комнату. Проскользнув вдоль стены, как темное привидение, вошедший остановился в углу и долго следил за взволнованным Самвелом, прислушиваясь к его страстному разговору с самим собой. Лицо его было закрыто черной шелковой маской, Самвел все еще неподвижно стоял у окна и пристально всматривался в ту сторону, где находилась область Рштуник. Затем, снова поникнув головой, скрестил руки, прошелся несколько раз по комнате и, точно во сне, подойдя к сиденью, оперся на него руками. В таком горячечном состоянии он мучился и вдруг почувствовал прикосновение чьих-то холодных рук. В ужасе он вздрогнул. Мрачное привидение быстро отбросило маску и плащ.

Самвел пришел в еще больший ужас, когда увидел перед собой бледное лицо Вормиздухт.

– Не смущайся, – сказала она спокойным голосом, – я все слышала, все поняла... Хотя армянский язык мне незнаком, но язык любви понятен каждому...

– Вормиздухт! – воскликнул пораженный Самвел. – Ты здесь ночью, в такой поздний час!
– Да! В такой поздний час пришла к тебе по важному делу, Самвел. Только имей терпение и выслушай меня.

Она дрожала всем телом. Самвел взял ее за руку, усадил на диван рядом с собой. Немного успокоясь, она сказала:

– Закрой двери, наш разговор будет наедине.

Самвел исполнил ее желание.

– Прости меня, Самвел, – сказала она печально, – я нарушила очарование твоей души, я отняла у тебя те дорогие минуты, когда ты хотел говорить со своим сердцем.

Самвел не знал, что сказать. Она продолжала:

– Да, люби ее, Самвел, люби ту, которой ты подарил горячее сердце. Ты достоин хорошей спутницы жизни. Ты можешь осчастливить любую женщину...

Последние слова она произнесла рыдая.

Поднеся руку ко лбу, она откинула кудри, которые, казалось, хотели скрыть ее слезы.

– Слушай, Самвел, – продолжала она после минутного молчания. – В этом доме лишь ты был моим утешением. Внешний почет воздают мне здесь все, но в душе меня все ненавидят. Воздают почет как сестре великого персидского царя, ненавидят как персиянку и язычницу, случайно попавшую в христианскую семью. Я задыхаюсь в своем золотом и жемчужном великолепии, как в мрачной могиле. Но ты, только ты, благородный Самвел, услаждал горечь моей жизни, и смягчал тоску несчастной чужестранки. Не будь тебя, я давно бы покинула этот замок и уехала на родину. Теперь выслушай меня, дорогой Самвел, зачем я пришла ночью в столь поздний час.

Смущенный Самвел, не вполне оправившийся от своего недавнего возбуждения, поднял голову и посмотрел в пламенные глаза взволнованной женщины.

Она взяла Самвела за руку.

– Религия наша учит платить добром за добро, благодеянием за благодеяние. Ты всегда был добр ко мне, дорогой Самвел... я пришла оплатить свой долг. Твоя жизнь в опасности... В опасности и жизнь той, которую ты любишь...

– Что ты говоришь? Какая опасность?.. – воскликнул Самвел гневным голосом. – Ей угрожает опасность? Скажи, Вормиздухт... Я сейчас же готов броситься в огонь и в кровавую схватку, чтобы спасти ее... Скажи, какая опасность?..

Он вскочил с дивана и, стоя перед Вормиздухт, все повторял последний вопрос.

– Успокойся, Самвел, и сядь, – ласково проговорила Вормиздухт; – опасность еще не так близка, чтобы надо было спешить... еще есть время ее предотвратить. Садись, я обо всем расскажу тебе.

Самвел сел и стал умолять:

– Ради бога, не мучай меня. Говори поскорее!..

Добрая Вормиздухт, не желая сразу поразить чувствительное сердце молодого человека, начала довольно издаലെка.

– Ты, – сказала она, – сегодня в присутствии матери рассказывал о возвращении моего супруга и Меружана Арцруни из Тизбона. Рассказывал и о прибытии с ними двух персидских полководцев и о том, что они собираются делать в вашей стране. Но самое главное либо тебе неизвестно, либо ты скрыл от меня.

– Я не скрыл от тебя ничего, Вормиздухт, Я рассказал все, что знаю сам.

– В таком случае тебе неизвестно самое важное. Слушай, Самвел. Прежде всего, ты и твоя мать напрасно думаете, что они прибудут через Тарон. В Армению они войдут не через Тарон, а со стороны Васпуракана, княжества Меружана. Прежде всего они постараются взять под стражу всех нахараров и отправят их закованными в Тизбон, а оттуда в крепость, где заклю-

чен ваш государь. Вторым их делом будет захватить жен заключенных нахараров и их детей и держать отдельно в различных крепостях под строгим наблюдением.

– И с ними ты прекрасную, как ангел, которую я люблю... – прервал Самвел с глубоким волнением. – Не так ли, Вормиздухт?

– Разумеется, – ответила она печальным голосом. Если пленят семьи нахараров, то заберут и семью нахарара Рштуни, а также и твоего ангела. Приказано не шадить ни пола, ни возраста, ни звания. Сопrotивляющиеся будут преданы смерти. Поощают только тех, кто примет маздеизм. Войско они ведут с собой такое громадное, что исполнить задуманное им будет не трудно... Чуть не забыла! Строго приказано во что бы то ни стало захватить армянскую царицу и доставить в Персию.

– Я всего этого ожидал, – сказал Самвел, сокрушенно качая головой. – Но, скажи мне, откуда это стало тебе известно, Вормиздухт? Утром ты еще ничего не знала и даже не имела сведений о возвращении моего отца.

– Да, утром я еще ничего не знала и не имела никаких сведений. Я впервые услышала от тебя, что мой муж и Меружан едут сюда. Меня очень поразило, что о таком весьма важном известии мне не сообщили. Во мне возникли подозрения, особенно когда подумала, что мой главный евнух, который должен был знать раньше всех, скрыл от меня эти известия. Когда я вернулась к себе, гнев мой не имел границ. Я велела приготовить веревку, позвала главного евнуха и сказала ему: «Ты сейчас же будешь повешен на этом дереве, если осмелишься утаить от меня хоть одно из тех известий, какие получил из Тизбона». И он рассказал мне все.

Самвел был поражен.

– Каким же образом твой главный евнух замешан в этих делах? – спросил, он, пристально глядя в изменившееся лицо молодой женщины.

Вормиздухт, точно уличенный в краже ребенок, вспыхнула, потом побледнела.

– Прости мою наивность, Самвел, и верь в мою невинность, – сказала она рыдая. – Сколько лет этот негодяй служит мне в качестве евнуха, но до сегодняшнего дня я не подозревала главной цели его пребывания здесь. Я лишь видела, что у него бывают какие-то неизвестные мне люди, замечала, что он часто получает письма, отвечает на них, но я не придавала этому значения, зная, что в Тизбоне, особенно во дворце моего брата, он имеет большие знакомства и связи. Но сегодня я просмотрела всю его переписку и убедилась, что у него и здесь большие связи. В его распоряжении множество людей, и даже армян, которые доставляют ему со всех концов разнообразные сведения о том, что и где делается или же готовится. За эти сведения он щедро платит. Все эти сведения он тайно передает в Тизбон и получает оттуда указания.

– Значит, в нашем доме под видом главного евнуха таился персидский шпион? – спросил в еще большем волнении Самвел.

– Видно, так! Ему было велено все сообщать в Тизбон, – сказала Вормиздухт тихим голосом.

«Наемник врага находился в нашем доме, и мы так долго этого не подозревали, – с досадой подумал Самвел. – Мы еще жалуемся, что дела наши идут плохо. В наш дом вводят невестку, с ней отправляют богатое приданое и вместе с массой служанок и слуг подсылают шпиона... Какое вероломство персидского царя!..»

Он обратился к Вормиздухт:

– Ты, Вормиздухт, так добросердечна, что я не осмеливаюсь даже малейшим подозрением запятнать твою ангельскую чистоту. Но как ты думаешь, разве это не мерзко – шпионить в чужом доме?

– Я это понимаю, – ответила она тоном, в котором заметно было глубокое негодование и вместе с тем безутешная печаль. – Я это понимаю и предвижу горькие последствия. Меня ужасает мысль о том, что льется человеческая кровь, что отцы и матери томятся в тюрьмах, а

дети, бесприютные и сиротливые, скоро окажутся в руках палачей. Я не могу вынести такой жестокости.

– Но ведь это желание твоего брата, – заметил Самвел.

– Не порицай меня, Самвел, за него. Персидские цари бессердечны. Они утверждают основание своего престола на человеческих трупах, – так сказал один из наших философов.

Самвел впал в раздумье. Вормиздухт прервала его молчание:

– Не печалься, Самвел! Ради успокоения своей совести я сегодня же велю подготовить караван для путешествия, отправлюсь в Тизбон, паду ниц перед братом и слезами укрошу его гнев. А если он бездушно отнесется к слезам своей сестры, то подножие его трона будет запятнано родной кровью...

– Я знаю, Вормиздухт, что ты способна на большое самопожертвование, – сказал Самвел. – Но теперь уже поздно... Дела настолько усложнились, события настолько неотвратимы, что твое заступничество едва ли поможет предотвратить наступающее бедствие.

– Но ведь и твоей жизни угрожает опасность, Самвел! Я не сомневаюсь, что главный внух, или, как ты сказал, этот подлый шпион, внес и твое имя в список «неблагонадежных».

– Я тоже в этом не сомневаюсь! – сказал Самвел. – Заботу обо мне я возлагаю на бога...

Он снова задумался и после минутного молчания добавил с иронией:

– Ты забываешь, Вормиздухт, что мой отец и дядя ведут персидские войска. Меня-то они, надеюсь, пощадят...

– Велено никого не щадить: ни друга, ни родню! – сказала опечаленная женщина. Она стала умолять князя, чтобы он хотя бы на время, ради своего спасения, покинул страну и скрылся куда-нибудь, пока не утихнет гроза.

– Вот этого я не прощаю тебе, Вормиздухт, – с улыбкой проговорил Самвел в ответ на ее мольбы. – Ты склоняешь меня к позорному делу. Неужели ты хочешь, чтобы я во время сражения, как трус, покинул поле брани?

– Подумай, Самвел, что опасность угрожает и той, кого ты любишь, – заметила Вормиздухт печальным голосом.

– Вот именно поэтому я не должен покидать поля битвы, – сказал Самвел, и глаза его зажглись огнем мести.

С завистью глядела Вормиздухт на юношу, который был олицетворением самопожертвования и в котором чувство любви было так сильно и так неугасимо.

– Скажи мне, Вормиздухт, – продолжал Самвел, переменив разговор, – во всем том, о чем ты рассказала мне, твой внух признался тебе лично?

– Среди его писем я нашла еще одно, – ответила она. – Я принесла его с собой.

– Можешь показать его мне?

Она достала из кармана сверток пергамента и передала Самвелу. Он посмотрел на письмо, и, немного подумав, спросил:

– Могу ли я оставить его у себя?

– Почему же нет, если оно тебе нужно.

– Но не спросит ли твой главный внух, куда девалось письмо?

– Ты смеешься надо мной, Самвел? Как он смеет задавать мне такие вопросы? Я в ту же минуту велю повесить его на дереве в моем дворе. Разве ты не знаешь, сколько слуг в моем распоряжении?

В душе Вормиздухт закипел гнев и заговорила гордость царской дочери. Она встала.

– Однако я очень запоздала: уже поют петухи...

Встал также и Самвел.

– Я немного успокоилась, – сказала Вормиздухт, подняв свой нежный взор на молодого человека. – Хотя мне ни в чем не удалось тебя убедить, но, по крайней мере, ты теперь будешь знать, как действовать.

– Благодарю тебя, Вормиздухт, за твое бесконечно доброе отношение ко мне и за искреннее сочувствие. Я чересчур многим обязан тебе!

Молодая женщина взяла плащ и маску.

– Ах, прости, Вормиздухт, – воскликнул Самвел. – Меня так смутило твое неожиданное появление, что я забыл даже спросить, каким образом ты пришла и как собираешься возвращаться.

Вормиздухт улыбнулась в ответ:

– Ты же видел, что я была скрыта вот под этим одеянием! – Она указала на черный плащ и маску, которые держала в руке. – В таком же виде я вернусь обратно. Меня примут за одну из моих служанок.

– Разреши, по крайней мере, проводить тебя до дома.

– Не нужно! Во дворе меня ждут двое слуг. Они проводят меня. Если ты будешь со мною, то это может меня выдать.

– А слуги не знают, что под черным плащом скрыта их госпожа?

– Не знают. Они привели меня сюда как одну из моих служанок и в таком убеждении останутся. Ведь не раз и раньше мои служанки приходили к тебе с разными поручениями.

Она надела маску и завернулась в широкий плащ. Самвел сердечно выразил ей благодарности и проводил ее до двери прихожей. Там из темноты вынырнул Иусик.

– Проводи эту женщину, – приказал Самвел, – на дворе, ее ожидают слуги госпожи Вормиздухт, препоручи им.

Иусик поднес палец ко рту и прикусил его: какая-то мысль промелькнула у него в голове.

Иная мысль мелькнула у Самвела: «Ах, если бы Вормиздухт пришла ко мне немного раньше...»

Он вспомнил князя Гарегина Рштуни и письмо, отосланное своей дорогой Ашхен.

XV. Княжна гор

Женщина в черном плаще медленно шла по извилистым проходам замка; она едва держалась на ногах. После того как она рассталась с Самвелом, ею овладела та болезненная, унылая слабость, которая следует за бурным возбуждением.

Один из слуг нес впереди зажженный фонарь, другой следовал за нею. По пути она не сказала ни слова. Молча, не останавливаясь, проходили они сквозь многочисленные ворота, бдительно охраняемые стражей. На фонаре краснел вензель Вормиздухт. Он возвещал страже, что проходящая была одна из прислужниц женской половины замка.

Во всем замке царила гнетущая тишина. Лишь изредка с вышек башен раздавалась переключка бодрствующей ночной стражи. Голосу с одной башни отвечали голоса с других башен, и тишина на минуту нарушалась. Так разговаривал замок своим наводящим страх железным языком.

Закутанная женщина уже дошла до дворца Вормиздухт. Около входа в женскую половину оба служителя остановились, а женщина вошла в это доступное лишь евнухам место, куда не ступала мужская нога.

Войдя в свою опочивальню, Вормиздухт сбросила покрывало и маску и, не раздеваясь, легла на постель. Усталость овладела ею: устала она всем сердцем, устала всей душой... Она окинула взором свою роскошно убранную комнату. Никого. Ни одна из служанок не явилась. Неужели все спят? Неужели так поздно? Тем лучше. По крайней мере, ей никто не мешал. Она погрузила пылающее лицо в мягкие подушки и долго оставалась неподвижной. Глухие, душе-раздирающие стоны иногда прерывали это цепенящее молчание, и помимо ее воли, поток слез хлынул из ее глаз. О чем она плакала? Она сама этого не знала. Есть минуты, когда взаимоотношения сердца и рассудка нарушены. В такие минуты человек не отдает себе отчета ни в чем.

Вормиздухт подняла голову и мутными от слез глазами посмотрела вокруг. Ей хотелось говорить, хотелось облегчить душу от нахлынувшего горя, но никого возле нее не было. Единственным живым существом был огонь, горевший в серебряном светильнике. Она долго смотрела на него и мысленно вела с ним разговор. Пламя, оно дает свет, тепло и пепел! Оно расходует, оно уничтожает самого себя! Таково и ее сердце!

Она снова спрятала лицо в подушки, и слезы снова хлынули из ее глаз. В соседней комнате послышался плач. Там плакал проснувшийся ребенок, а здесь его мать. Этот плач заставил ее очнуться, он напомнил ей, что она – мать и жена!

Вормиздухт поднялась с постели, отерла слезы и поспешила к ребенку; кормилица, сидя возле колыбели, крепко спала. Госпожа разбудила ее; та непроизвольно, полусонная подняла голову и прижала свою грудь к губам ребенка, он замолчал. Теперь доносилось только его торопливое чмокание.

Мать стояла и с восхищением смотрела на своего первенца, в котором души не чаяла. Но вдруг она с испугом заметила, что голова кормилицы медленно опускается к краю колыбели: та снова засыпала.

– Ты когда-нибудь задушишь ребенка! – воскликнула мать, тормоша кормилицу.

На черном лице кормилицы блеснули белки крупных глаз – очнулась.

– Я не сплю, – проговорила она и снова наклонилась к колыбели. Кормилица была эфиопкой: молоко из горячей груди эфиопки считалось самым полезным для ребенка.

Какое сочетание! Мать – персиянка, кормилица – эфиопка, а ребенок – дитя князей Мамиконян!..

Мать постояла у колыбели, пока ребенок насытился и заснул. Затем она наклонилась, прикоснулась губами к пухлым щечкам младенца и, приказав кормилице не спать, пошла к себе.

Вернувшись в опочивальню, она разделась сама, без помощи служанок, и легла в постель.

Ее роскошное ложе из шалей и шелков было предназначено для неги и наслаждений. Но в эту ночь оно казалось ей сделанным из терновника. Вормиздухт поминутно поворачивалась с боку на бок и не находила покоя. Все в ней волновалось. Ее невинная душа была полна запутанных и неясных мыслей и чувств, подобно тому как лучезарный горизонт внезапно затмевают черные тучи. Она думала о Самвеле, о той счастливой девушке, которую он любит, и вдруг вспомнила о главном евнухе и его проделках...

«Убедился ли Самвел в том, что я не виновна, исчезли ли у него сомнения относительно меня? – шептала она, припоминая, какое тяжелое впечатление произвели на опечаленного юношу сообщенные ею известия. – Он так добр, так благороден, он простит мне. Он не будет подозревать меня в соучастии в мерзостях евнуха... Но ведь этим не устраняется моя вина! Кто, как не я, причина появления в этом доме коварного евнуха? Я привела с собой сюда шпиона. Нет, нет, я ничего не знала! Независимо от меня подослали его... Но как бы там ни было – тяжесть преступления падает и на меня. Я должна искупить то, что было совершено без моего ведома, чтобы успокоить свою совесть! Мне не удалось убедить Самвела. Он воспротивился моему намерению поехать в Тизбон. Как и всегда, он проявил безграничную доброту. Но я должна, должна поехать, должна уговорить немилосердного брата моего. Я не могу оставаться здесь и быть свидетельницей ужасных событий. Но мой муж? Что подумает мой супруг? Он придет и не застанет меня дома?..»

Этот вопрос заставил ее задуматься. После долгих, мучительных размышлений она позвала служанок. Никто не откликнулся. Она взяла лежавшую возле ложа белую шаль из овечьей шерсти, завернулась в нее и встала с постели.

В этой шали полунагая красавица напоминала изящную нимфу, выглянувшую из прекрасной раковины.

Она вошла в соседнюю комнату. Там спали вповалку служанки: видно, они долго ожидали свою госпожу и сон одолел их. Вормиздухт пожалела их и не стала будить. Она прошла в следующую комнату. Там на сидении дремала пожилая женщина. Шум открывающейся двери разбудил ее. Она приоткрыла глаза, посмотрела вокруг и, склонив снова голову, задремала.

Вормиздухт вернулась в свою опочивальню. Она забыла, ради чего хотела позвать служанок, забыла, зачем прошла в следующую комнату.

Как бы ошупью она ходила по опочивальне, словно что-то искала. Заметила серебряный ларец, стоявший в нише. Этот красивый предмет вызвал в ней страх. С отвращением протянула руку к замку, отперла ларец и вынула несколько рукописей. Это были копии и черновики писем, отобранных сегодня среди документов евнуха. Одно из них она поднесла к огню и стала читать; ее внимание привлекли следующие строки:

«...Среди оставшихся здесь князей Мамиконян есть двое молодых, которые могут быть опасны: Самвел, сын Вагана, и его двоюродный брат Мушег, сын Васака. Первый из них, хотя неопытен и юн, но предан беззаветно своему царю и родине; любовь восполняет в нем недостаток опыта и изворотливости; он храбр и смел; народ любит его, и его зову последуют многие; он неподкупен. Ничем нельзя угасить и его любовь к родине. Этот преданный родине молодой человек наделает много хлопот войскам персов, если заранее его не устранить... Второй, Мушег, такой же патриот, опытный воин и глубокий знаток военного дела. Это – страшный человек. Персия много выгадает, если за его голову посулит даже целую область. Его влияние велико и среди знати и среди духовенства. Хороший полководец, храбрый воин и заклятый враг персов...»

Она не могла продолжать чтение: руки задрожали, и кусок пергамента выпал из рук на пол.

В опочивальню неожиданно вошла та самая пожилая женщина, которая за несколько минут до того дремала на сидении в соседней палате.

– Ах, Вормиздухт, свет очей моих, – воскликнула она, – ты еще не спишь! – Подойдя к молодой женщине, она стала гладить ее растрепавшиеся волосы; но, взглядевшись внимательно в ее взволнованное лицо, ужаснулась и отойдя спросила:

– Что с тобой?.. Отчего ты так запоздала?.. Что сказал Самвел?.. Когда ты пришла?

Этими словами она еще больше смутила и без того взволнованную Вормиздухт.

Эта худая, высохшая женщина была кормилицей Вормиздухт. Сердобольная женщина воспитывала ее с детства. Когда Вормиздухт выдали замуж и отправили в Армению, с нею вместе отправили и эту толковую и опытную женщину в качестве советчицы и опекуны.

Появление кормилицы немного успокоило Вормиздухт. Бывают минуты, горькие минуты, когда человек в своем грустном одиночестве находит утешение даже в кошке, внезапно вбежавшей в комнату и участливо ласкающей у его ног.

Вормиздухт легла в постель и подозвала к себе старушку.

– Сядь возле меня, Хумаи, сядь поближе, – сказала она ослабевшим голосом.

Кормилица села у ее изголовья.

– Положи руку мне на лоб, Хумаи, приласкай меня!

Старая женщина положила худую руку на лоб Вормиздухт: он был покрыт холодным потом.

Несколько минут Вормиздухт молчала; воспаленный взор ее блуждал по комнате. Затем глаза ее закрылись, и она тихо произнесла:

– Говори, Хумаи, говори без умолку, я буду слушать.

Та не сразу нашла, о чем говорить. Лихорадочное состояние Вормиздухт смутило ее.

– Расскажи что-нибудь, Хумаи, – повторила Вормиздухт, открывая свои печальные глаза и обратив взор к кормилице. – Разве ты забыла те ночи, когда я была еще девушкой, и ты вот так же, как теперь, сидела у моей постели и говорила? И речам твоим не было конца... Проходили часы, петухи уже пели... я засыпала и просыпалась и снова слушала твои рассказы. Ах, хорошее то было время! Не было ни заботы, ни печали! Жила я, как веселая птица, и не знала, что такое печаль.

И она опять закрыла глаза, повторяя:

– Говори, Хумаи, расскажи что-нибудь, чтобы я заснула...

Встревоженная женщина приложила руку к ее сердцу – оно сильно билось.

– Там огонь, внутри что-то жжет меня, Хумаи, – прошептала Вормиздухт, опять открывая глаза.

Хумаи испугалась не на шутку.

– Ты молчишь, Хумаи, ничего не говоришь! Тогда я буду говорить... я хочу говорить... много говорить.

Старуха начала что-то бормотать про себя; она молилась.

Вормиздухт взяла сухие руки Хумаи в свои горячие ладони и спросила:

– Помнишь ли, Хумаи, празднество в Аштишате? Это было последнее торжественное празднество. Мы сидели в пурпуровом шатре армянской царицы и смотрели на состязания. Невдалеке от нас в другом шатре сидели царь с первосвященником и нахарарами и наблюдали за происходящими играми. Помнишь ты этот день?

– Помню, – ответила та изумленно.

– Помнишь и то, как началась игра в макан⁴², когда закованные в латы сыновья нахараров разделились на две партии, и как звенели маканы, и огромные деревянные мячи, точно в бурю, метались из стороны в сторону? А во время этого страстного состязания появилась девушка на золотистом коне? Помнишь эту девушку?

⁴² Макан – по-древнеармянски означает «клюшка»; маканахах – игра в поло, распространенная в то время среди армянских феодалов.

– Помню, – ответила кормилица.

– Тысячи голосов и бурные рукоплескания встретили ее появление! Царь долго махал ей платком. Она появилась, точно богиня, и своим присутствием внесла в игру новую силу, новую энергию. Как прекрасна была эта юная девушка в своих блестящих латах! Грудь ее покрывал стальной позлащенный панцирь, маленький медный шлем сверкал на солнце, ее золотистые пряди развевались по плечам, закованным в железо. Через узкие щели красивого забрала едва виднелись ее сверкающие глаза и черные, изогнутые, как лук, брови. Зазвучал рог, забили барабаны; длинный тяжелый макан завертелся в ее искусной руке, как легкое перышко. Ее красивый конь, как птица, делал громадные прыжки, и под ловкими ударами макана мужественной девушки мяч летал до самого края ристалища... Ты помнишь, с кем она состязалась?

– С Самвелом.

– Да, с Самвелом. А когда окончилось состязание, армянская царица пригласила ее к нам в шатер и вручила ей высшую награду – золотую, изукрашенную изящной резьбой чашу. Девушка осталась с нами в шатре, обедала и за обедом пела песню. Помнишь эту песню?

– Помню.

– Это была песня гор, Хумаи; горная княжна воспевала свои горы и доли. Ее чудесный голос звучал, как звучит горный ветер, с силою ударяясь о скалы, о вековые пихты, все усиливаясь и постепенно глухими печальными звуками замирая в отдаленных глубинах ущелья... Грустная мелодия этой волшебной песни как будто все еще ласкает мой слух... Как будто и сейчас еще я смотрю в огненные очи вдохновенной певицы, в которых было так много огня, очарования и любви... Помнишь, Хумаи, кто была эта девушка?

– Говорили, дочь Рштунического князя.

– Да, дочь князя Рштуни, счастливая дочь неприступных гор и мрачных лесов. Она привела с собой тогда своих храбрых горцев. Любо было смотреть на простое и неприхотливое вооружение этого пастушеского народа. Они явились на торжество с легкими щитами, сплетенными из козьей шерсти, в латах и шлемах из овечьей шерсти и в туго сплетенных из той же шерсти ноговицах. С головы до ног они были закутаны в шерсть и шкуры, но эта грубая одежда была крепка, как железо. Грубы, неотесанные были и сами горцы. Все зрители ужасались, видя их луки длиной в три локтя и стрелы длиной с копье. Грозны и пылки были эти храбрецы, а их царевна сияла среди присутствовавших, как горная богиня...

При этих словах Вормиздухт закрыла глаза и продолжала, словно во сне.

– Эти бородатые храбрецы с пламенными глазами, как густогривые львы, охраняли свою княжну. Тот, кто посмел бы чуть дерзко взглянуть на нее, в один миг был бы предан смерти. С этого праздника она унесла с собою две бесценные награды: золотую чашу, полученную из рук царицы, и сердце Самвела.

Вормиздухт умолкла.

Крайне встревоженная Хумаи с испугом всматривалась в ее бледное лицо, которое порой перекашивалось от лихорадочной судороги. Сжатые пунцовые губы царевны вздрагивали. Она снова заговорила, но кто знает с кем, уже охваченная сновидениями... Голос ее постепенно затихал...

Старуха укрыла ее. До рассвета без сна просидела она, не сводя глаз со своей милой питомицы, которая металась в жару. Из потухших глаз бедной женщины по ее иссохшему лицу тихо катились слезы...

XVI. Самозванцы

Было уже далеко за полночь. Во дворце князя Мушега, в его приемной палате, все еще продолжали беседовать четверо заговорщиков. Занавеси в палате были тщательно задернуты, двери заперты изнутри, а снаружи по обеим сторонам дверей прихожей стояла стража.

Месроп сидел возле светильника. Он углубился в чтение писем, разложенных перед ним. Он читал, делал какие-то расчеты, снова читал и порой ладонью прикасался к голове, как будто желая разрешить свои сомнения. В числе писем находилось и письмо, врученное Вормиздухт Самвелу.

По комнате взад и вперед ходил Самвел, время от времени останавливался позади Месропа и молча следил за его движениями.

Мушег взволнованно теребил свою маленькую бородку, которая, как черный бархат, обрамляла его мужественное лицо. В его грозных глазах можно было прочесть нетерпение и возмущение.

Саак Партев иногда поднимал стоявшую около него чашу с вином и прикасался к ней пересохшими, от волнения губами.

Все ждали, что скажет Месроп.

Наконец Месроп, с недовольным видом отбросив в сторону письмо, обратился ко всем:

– Бесплезно разбирать их и делать из них какие-либо выводы. При нынешнем положении расчет не только введет нас в заблуждение, но окончательно все запутает. Наши дела с самого начала велись без расчета. Так и следует продолжать. Я хочу сказать, что времени так мало, а обстоятельства настолько убедительны, что нам некогда исправлять старые промахи и прибегать к новым мерам. Нам надо сделать решительный шаг, если бы даже этот шаг противоречил доводам рассудка.

– Совершенно верно! – остановившись, сказал Самвел.

Саак Партев молчал.

– Все же нам надо подсчитать свои силы, – заметил Мушег.

Нельзя взвесить и рассчитать то, чего пока еще не существует, – ответил Месроп. – Наши силы зависят от обстоятельств и успеха дела, которое мы начинаем.

– Но можно хотя бы предугадать успех или неуспех нашего дела, – возразил Мушег.

– Мы исходим только из возможностей, – ответил Месроп. – Повторяю, мы должны руководствоваться только убеждением, а удача зависит от воли судьбы.

Саак Партев прервал спор и спросил:

– Это «мы» повторялось здесь несколько раз. Прежде чем предпринять какие-либо шаги, следует определить, кто же это «мы».

Наступило общее молчание. Вопрос был весьма уместным. Самвел, сделав шаг вперед, обратился:

– Разрешите мне сказать?

– Говори, – ответил Партев.

Сильно волнуясь, он остановился перед собеседниками и, обратив горящий взор на своих сообщников, сказал:

– Кто это «мы»? Поистине это самый трудный вопрос. Решив его, мы положим начало делу. Кто же «мы»? Мы – это все. Мой ответ, быть может, покажется вам чересчур дерзким, но я постараюсь объяснить свою мысль. В управлении нашей страной играли первенствующую роль три высших лица: царь, первосвященник и спарапет. Теперь никого из них нет. Царь заключен в Хужистане в крепости Ануш, спарапет находится там же, а первосвященник сослан на остров Патмос, в Средиземное море. Наша страна лишилась трех главных правителей, которые во время опасности могли бы встать против врага. А враг у наших ворот. Кто окажет ему

сопротивление? Кто должен защитить родину от огня и крови? Кто должен очистить ее от персидской нечисти, которая угрожает испоганить все наши святыни? Царский престол в опасности. Церковь в опасности. Наш язык, наша культура, наши обычаи, наши заветные ценности – все в опасности. Кто же должен их защищать? Повторяю: царя нет, первосвященника нет, спарапета нет. Но имеются их представители, из которых двое вот здесь слушают меня.

Он указал рукой на Саака Партева и на Мушега и продолжал:

– Ты, Саак, сын первосвященника и можешь заменить своего отца. Ты, Мушег, как сын спарапета, тоже займешь место своего отца. Должность первосвященника, как и спарапета, по обычаю нашей страны, наследственна. Первая принадлежит дому Григория Просветителя, вторая – роду Мамиконянов. Против этого никто не может ничего возразить. Незанятым остается царский престол. Наследника нет, он остался в Византии. Но зато с нами царица. Ее именем мы можем издавать всевозможные приказы. Мы организуем временное управление, возглавим страну и будем сопротивляться врагу. И, я уверен, народ пойдет за нами. Народ склонен слушать только приказание, не раздумывая долго о том, откуда они исходят. Теперь, мне кажется, достаточно ясно – кто «мы»...

– У нас нет свободного народа, – заметил Месроп. – У нас имеются только нахарары, которые управляют различными слоями народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.